

Мелани Краудер - Под полной луной



Переведено специально для группы

~"*•†Мир фэнтези†•*"~

<http://vk.com/club43447162>

Оригинальное название: A Nearer Moon
Автор: Мелани Краудер / Melanie Crowder
Переводчики: Алёна Лещенко
Редактор: Алёна Лещенко

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Аннотация

В маленькой деревушке на берегу проклятой реки только храбрость отчаявшейся девочки отыщет нить между жизнью и смертью.

Вдоль быстрой реки, где дома возведены на сваях, живет девочка по имени Луна. Всю жизнь она слушала байки о временах до появления насыпи, когда феи танцевали в ручейках, и никто не болел загадочной смертельной болезнью, от которой захлебываешься речной водой. Впрочем, это лишь сказки, ни один разумный человек в них не верит.

Однако в глубине вод не все согласится с подобным невежеством. Речная феечка Утопия купается в веселых брызгах и с грустью ждет день, когда ее народ достроит портал в другой, неведомый людям, мир.

Но когда младшая сестра Луны подхватывает болотную лихорадку и жить ей остается всего три недели, Луна намеревается найти лекарство для любимой сестренки и не важно, что для этого потребуется. Даже если придется поверить в волшебство.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Оглавление

Пролог	4
1.....	5
2.....	8
3.....	9
4.....	11
5.....	13
6.....	15
7.....	20
8.....	23
9.....	25
10.....	27
11.....	28
12.....	30
13.....	31
14.....	33
15.....	37
16.....	38
17.....	41
18.....	43
19.....	45
20.....	46
21.....	49
22.....	50
23.....	53
24.....	56
25.....	58
26.....	59
ЭПИЛОГ.....	61

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Пролог

Бежит река.

Тонкой струйкой она берет свое начало в сердце джунглей, в самой гуще, в скрытом от всех тайном пристанище. Она плещется, кружит, с жадностью заглатывая тысячи ручейков. Река расширяется и наливается и льется потоком, и по ней бесшумно скользит лодочка-плоскодонка с нескладной девочкой на борту.

Сразу за поворотами, извилистыми как скрученная лента, перед самым обрывом, реку перекрывает затор из бревен. Естественная плотина образовалась давным-давно из принесенного бурей леса, и вода, мало-помалу подбирала под себя заиленное мелководье, упрямо свергала непривыкшие к сырости деревья. Насыпь росла, и возникло болото. Запертая река нырнула глубоко в землю и, просачиваясь через расколы гранита и пустоты треснувших глыб, выскочила непокорная на поверхность, оставив болото позади.

Прямо в эпицентре трясины по спирали неспешно засасываются случайные листья, ленивые насекомые и тонкий слой пыли. Гладкая влажная пленка цепляет и удерживает мусор, пока топь кружит в медленном гибельном вальсе. Чужаки могли бы принять эту пленку за обычную воронку, какие встречаются на болотах. Но местные, помнящие каждый отлив и прилив, держатся подальше от притихшей заводи. Они знают, что какое-то существо внизу затягивает жижу, повергая в ужас водяных насекомых, и заставляя прятаться других речных жителей в своих пещерах.

Год от году селяне понемногу достраивали сваи, удерживающие их дома, пока и вовсе не забыли сладкий запах журчащей реки и хихиканье танцующих на камнях ручейков.

Жители деревни разделили время на две эпохи: до болота и после. Жизнь до – была хорошей. Чего нельзя сказать о времени после.

Луна

На краю болота рос высокий сосняк, и деревья алыстрии роняли влажные слезы. Раздвинув камыши, долговязая девочка с волосами цвета безлунной ночи шагнула на узкую лодку.

Позади на холме зашелестели листьями деревья шореи, выпуская бурю крошечных желтых цветов. На западе разливалась река, на востоке насыпь сдерживала воду, а посередине ютилась деревня, прямо над душной трясинной.

Луна занесла длинный шест и уже собиралась оттолкнуться от берега, как услышала крик – от садовых участков бегом спускалась по холму девочка с такими же черными волосами и нескладными конечностями, только помладше.

– А меня?! – кричала Уиллоу.

Для равновесия Луна шагнула одной ногой на берег и помогла младшей сестре забраться в лодку.

– Ты ведь не собиралась уйти без меня, правда же? – пошатываясь, произнесла Уиллоу, протягивая руки к носу их маленького судна.

Луна хихикнула. Можно подумать, сестренка хоть раз бы такое допустила. Уиллоу скрестила ноги на грубом полу и потеряла прикрепленный на носу оловянный оберег – на счастье. Ухватившись за края лодки, она возбужденно ерзала.

Луна встала поустойчивее и ступней отпихнула запутанные сети. Одно уверенное движение, и, минуя камыши, плоскодонка заскользила между водяными лилиями навстречу припозднившемуся утреннему солнцу. Над трясинной, напоминая рой мошкар, висела душная липкая дымка.

Луна проворно погружала шест в воду, пока его конец не упирался в густой ил; а ил, цепляясь за гладкое дерево, тянул его, подобно тому, как детские скрюченные пальчики ловят прядь волос и держат ее мертвой хваткой. Наклонившись, Луна резко выдергивала шест из лап упрямой жижи. Грязная вода сочилась с кулачков девочки на предплечья и частыми каплями капала с локтей, пока не стекала вся обратно в болото.

Лодка шла через затопленный лес вдоль нависающей сверху деревни. Переходные мостики, которыми были привязаны друг к другу возведенные на сваях лачуги, колыхались над топью под легким дуновением ветра. Завидев девочек, бабуля Ту встала с кресла-качалки и подошла к перилам. Ее морщинистая кожа напоминала забытую на дереве сливу, высохшую за зиму, но глаза по-прежнему оставались зоркими и блестящими. Сложив руки рупором возле рта, она крикнула:

– Поймите мне самую большую.

– Легко! – отозвалась Уиллоу.

В столь раннее утро почти все жители деревни таились в темных комнатах своих хижин, но Бенни, лучший друг Луны, отворил ставни и, свесившись из окна, помахал проезжающим. Прямая черная челка застилала глаза мальчика как занавеска, и он раздраженно откинул ее ладонью.

– Ты потом ко мне придешь? – спросил он.

Луна кивнула и помахала ему в ответ. Она направила суденышко прочь от деревни и, лавируя между корней последних алыстрий, вышла на открытое болото. Если бы не жужжание водяных клопов и трескотня бьюбьюлей на вершинах деревьев, стояла бы мертвая тишина. Тихо и ни души, только лодочка идет по водной глади.

– Что интересного было сегодня в школе? – спросила Луна.

– Мы складывали числа до ста, и на дом нам дали огромный список примеров.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

И вновь смех Уиллоу эхом разлетелся в самые отдаленные уголки трясины, вниз, к самому дну. Вниз через щупальца корней, вниз к порогу подводной пещеры, где жалкое создание изо всех сил старалось не слушать, чтобы не слышать резкий обжигающий уши звук, вырубаящий новые шрамы на прогнившем сердце.

Смех не прекращался, и существо, размером не больше лягушки, всплыло на поверхность, шлейфом волоча за собой пленку. Существо выпрямилось и протянуло корявые руки к кружащейся плоскодонке. На волоске от прикрепленного на носу оберега крошечные пальчики вцепились в дерево и всего лишь на мгновение погрузили лодку в трясину, но этого хватило, чтобы до краев наполнить черной болотной водой широко открытый от смеха рот шумной девчонке.

Смех оборвался, и лодка замерла. Незамеченное существо скользнуло обратно в пещеру, и тишина заглушило ноющую боль в черством сердце, как влажное полотенце гасит жар раскаленных углей.

Уиллоу вскочила, глаза на выкате, как у испуганного кролика. Вода сочилась из ноздрей, стекала с головы. Малышка старательно отхаркивала грязь.

Луна кинулась к сестре.

– Выплюнь! Сейчас же все выплюнь!

Уиллоу свесилась за борт, ее тошнило, глаза слезились, из носа текло. Луна удерживала сестру за хрупкие плечи, чтобы та не вывалилась. Когда Уиллоу наконец закончила, Луна усадила ее в лодку и краем рубахи вытерла рот насухо.

– Ты как, милая? Прости меня, прости меня, пожалуйста... я просто шутила, мы и близко к липучке не подходили... Я не знаю, что случилось!

В гнетущем безмолвии девочки уставились друг на друга. На лице Уиллоу засохли полоски стекающей грязи, напоминая тени на солнечных бликах. Она слабо улыбнулась, снова сплюнула и тихо попросила:

– Давай просто поедem домой...

Дрожащими руками Луна схватила шест и из последних сил заняла позицию на корме. Плоскодонка прошла мимо альстоний, пересекла болото и при этом ни на миллиметр не накренилась и не погрузилась.

– Бабуля Ту напоит тебя горячим чаем, и мы скоро забудем этот ужасный день, – сказала Луна, но даже для нее эти слова утешения прозвучали фальшиво. Она знала, и Уиллоу знала, что было уже слишком поздно.

Утопия

Человеку свойственно поработать землю, по которой он ходит, и воду, которая дарит ему путешествия. Людей становилось все больше, и они отстаивали свои владения со скрежетом механизмов, машин, пароходов, а феи начали вымирать.

Без танцующих духов оскудели леса. Под открытым небом маленькие крылышки теперь редко рассекали по ветру, в небесах остались лишь жуки, птицы, да одинокие облака, скучающие по былым наездникам. И в водах, где раньше бурно резвились шаловливые неисчислимы стаи фей, теперь осталась лишь жалкая горстка крошечных существ, незаметно прыгающая в пенных брызгах.

Утопия и Океания появились на свет в один день, в один и тот же час, и разделяли их лишь несколько секунд одной минуты. Все воздушные, древесные и водяные феи собрались вокруг новорожденных, которых укачивала неспешная волна, а рыбы поднимали их на поверхность воздушной подушкой из пузырьков. Даже капельки выпрыгивали из равномерного течения реки, чтобы поцеловать крошечные мордашки.

Феи – существа непостоянные, едва ли способные надолго чем-то озадачиться, а потому крайне редко на свет они появляются вдвоем. Но редко – не значит никогда, и с новизной жизни послышался шепот надежды. И этого шепотка было достаточно, чтобы поверить в последний шанс – шанс найти другой мир, в котором растут зеленые дома и свободно струятся чистые прозрачные ручьи.

Надежда – что-то новое и долгожданное.

Решение было принято.

А Утопия и Океания хлопали ресничками, улыбались и довольно гукали, как все новорожденные. Тогда они еще не ведали, сколь значительные изменения они с собой принесли, как не знали и о том, сколько горя их из-за этого ждет.

Луна

В скромной хижине, что служила домом, помещались одна общая комната и кухня; стол загромождали тарелки и бабушкины карты по отслеживанию полнолуния, а на голом полу лежал вязаный коврик. В дальнем углу с помощью обшитых панелями перегородок отделили две спальни. В одной спали бабуля Ту и мама, а в другой – девочки. В любой другой день из хижины доносились бы звуки стряпни или уборки, или топот маленьких ножек по половицам. Но сегодня царила только зловещая тишина сдерживаемого дыхания.

Мама, бабуля Ту и Луна сгрудились вокруг общей кровати девочек, на которой сидела Уиллоу с тарелкой грибного супа. Она подносила полные ложки супа ко рту и дула, чтобы остудить.

Она заболела. Ее недуг не имел ничего общего с насморком или сенной лихорадкой – Уиллоу подхватила изнурительную болезнь, что пришла в эти края вместе с болотом, и еще никому не удавалось ее побороть. Ровно три недели и ни днем больше остается жить больному – хоть старому и дряхлому хоть молодому и сильному.

– Ну всё, – не выдержала Уиллоу, уронив ложку в суп. – Хватит уже. Бабуля Ту, присядь. – Она махнула в сторону кресла-качалки. – Луна, иди рыбачить. Или погуляй с Бенни. Я никуда не денусь с этой кровати. Мама...

Но никто не пошевелился. На их лицах застыло выражение проигранной борьбы. Мать напоминала высохшую корягу с полым стволом и сгнившими в грязи корнями. Луна хотела подойти к ней, взять за руку или под руку, объяснить, что она ни в чем не виновата, и что Уиллоу поправится; в голове ее пронеслось: «Мне так страшно, мама».

Глядя на полупрофиль матери, Луна надеялась, что та повернется к ней. Но она не повернулась. Колени Луны подкосились, мысли плыли в тумане, и казалось, горе навалилось на нее всей тяжестью и тянуло мертвым якорем. Она подошла к кровати и, откинув одеяла, прижалась к Уиллоу всем телом, уткнувшись в ее плечо, будто в силах Уиллоу было снять с нее весь этот груз.

Уиллоу вздохнула и, открыв рот, чтобы поесть, произнесла:

– Ладно уж, тогда расскажите мне сказку.

Бабуля Ту уселась в кресло-качалку, ручки которого отполировались до гладкости за тот век, что она провела на его широком сидении. Бабушка коснулась перекладки, и дерево под ней привычно заскрипело. Подняв взгляд к потолку, она пробиралась к пыльным уголкам своей памяти.

В сказках бабули Ту можно было услышать о многом: и об историях, которые ее бабушке рассказывала прапрабабушка, и о летнем полнолунии, когда устраивают праздник в честь перигея и запускают фейерверки, и о волшебном мире, в который уже никто не верит, и о водяных ящерицах, что загоняют своих жертв в подводные норы, и о первых шагах Уиллоу и первых словах Луны, а еще о большом взрыве, что дал начало всему живому. Все эти истории сплетались воедино, пока разницу между правдой и выдумкой не ставилось так же сложно раскопать, как корни алыстрины.

– Ну-ка, дай подумать, – начала рассказчица, – пожалуй, я поведаю о путешествии, которое приготовила для вас с сестрой, как только тебе станет лучше, идет?

Голос бабули Ту дрогнул, опухшие сжатые в замок пальцы прилипли к подолу, взгляд опущен.

Уиллоу кивнула, дуя на очередную порцию супа.

– Когда мы с твоим дядей Тимом были примерно твоего возраста, наш папа взял нас с собой. Мы пошли вверх по извилистой реке к подножию горы, в город, который плавает на

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

студеном озере, таком глубоком и прозрачном, что поговаривали, что дна у него нет, и никто так и не смог до него достать. Говорили, что это чистое озеро протекает под землей и выливается прямо в море. Яркие паруса лодок раздувались от порывов ветра, словно ребра гигантских чудовищ. А высоко над нашими головами почти у самых звезд горели яркие фонари, и они казались нам новорожденными облаками. Папа вел нас через прилавки на морской барже. Кого там только не было – плотники, мастера по металлу, дрессировщики соколов, знахари. А какие там были сладости – всевозможные пироги, пирожные, даже был лед с горных вершин, присыпанный сахаром и украшенный сливками.

По мере того как веки Уиллоу тяжелели, дыхание становилось глубоким и равномерным, и сама она начинала сползать со спинки кровати, бабуля Ту постепенно переходила на шепот. Луна забрала у сестры тарелку и натянула одеяло ей до подбородка. Все трое переглянулись – в их глазах зеркалом отражался общий страх и безутешная скорбь.

Уиллоу уже никогда не попадет в плавучий город, никогда не научится самостоятельно управлять лодкой и не отпразднует следующий день рождения.

Наверно мама не заметила немую мольбу в глазах Луны, видимо, она не догадывалась, что мысль о потере сестры лихорадочно жгла Луне кожу. Мама лишь взглянула последний раз на Уиллоу, как поднимается и опускается ее грудь, как бегают зрачки под опущенными веками, и потом вышла. Луна соскользнула с кровати и на цыпочках обошла перегородку.

– Подожди! – крикнула она, догоняя мать на улице.

Мама была уже на полпути к соседнему дому, в котором жил Бенни. Она повернулась, расшатывая переходный мостик.

– Как я могу помочь, мам? Скажи мне, что надо сделать, чтобы вылечить Уиллоу?

– Ничего нельзя сделать, – тихо ответила мать, ее голос напоминал лист, намертво прибитый ливнем к земле.

– Но мы не можем просто сидеть здесь! Мы должны попытаться...

– Ты думаешь, никто не пытался? Ты думаешь, ты первая теряешь близкого тебе человека? – голос матери дрогнул, и она закрыла рот ладонью.

– Но бабуля Ту сказала, что в городе живут знахари. Мам, может, у лекарей найдется средство для Уиллоу.

– Луна, я не собираюсь нестишь сломя голову в город, когда я нужна Уиллоу тут. Лекарь ничем не сможет помочь. Никто из нас ей уже не поможет.

Последние слова прозвучали едва различимо. Мама развернулась и медленно прошла мимо хижины Бенни, мимо школы – прямо к деревенской молельне на холме.

Сложив руки на груди, Луна раздраженно вздохнула. Перебирание четок снова и снова вряд ли хоть сколько-нибудь поможет. Равно как и сидение возле кровати с рассказыванием сказок.

Она управится за день. Мама разозлится, но это она потом как-нибудь уладит.

Луна собиралась к озеру. Она обязательно отыщет лекаря.

Утопия

Подобно тому, как воздушные феи прыгали с одного порыва ветра на другой, а древесные феи перескакивали с листика на веточку, а потом снова на листик, так и водяные феи больше всего радовались купаться, скользить по воде или просто быть рядом с течением. Совсем еще малышей, не умеющих ходить и даже ползать, бросали в реку, поэтому первым делом они учились плавать.

Стремнина и волны – не угроза для водяных духов. Струя воды поднималась, приветствуя их, вздувалась у них под ладошками и, с плеском падая, щекотала ласты. Утопия и Океания брыкались, восхищаясь вихрями из пузырьков, кружащих следом за ними, и наслаждались шелковистостью воды, ласкающей их пальцы.

Их друзьями по играм были головастики и мелкая рыбешка; еще они катались верхом на утятах, поглаживая их пушистые перышки и щекоча их перепончатые лапки. А пока они резвились, взрослые феи с помощью магии – магии воздуха, что поднимает и переносит, магии дерева, что опускает и выращивает, и магии воды, что омывает и возрождает, – строили портал, который перенесет их народ в другой мир.

Каждое утро, лишь солнце выглядывало из-за гор и бросало первый луч на озеро, строители портала приступали к работе. И каждый вечер трудились до тех пор, пока светило не пряталось за горизонт. И тогда ночи наполнялись хриплым песнопением воздушных фей и посвистыванием флейт древесного народца, и, сливаясь воедино, их песнь мрачно опускалась на землю.

Ах, если бы надо было лишь построить дверь из одного места в другое, переселение не составило бы труда и заняло бы не больше пары недель или, на худой конец, пару месяцев. Но не так-то просто найти подходящее место. Творцы портала искали мир, откуда их не выдворят еще долгое время. Мир, в котором еще нет людей и нет смрада от их машин. Мир, где воды чистые, небеса – прозрачные, а лес все еще поет – так было и в первый день этого мира.

А пока творцы портала без усталости колдовали, остальной народец крутился подле. Воздушные феи спускались к древесным обнюхать их подозрительным замшелые дары, а древесные феи старались не поддаваться панике из-за умышленных брызг водяных проказниц.

В непрерывных поисках работали строители перехода, дабы предстать в полной готовности, когда придет время; и вот, спустя месяцы стали появляться едва различимые очертания двери. Она висела прямо в воздухе, не выше, чем кончики кроличьих ушей, но достаточно высокая, чтобы прошел самая рослая фея и достаточно широкая, чтобы пройти вдвоем. Казалось, портал окружала собственная аура, как будто смотришь на него краем глаза.

Даже люди, не ведая о магии, неуклюже ступая точно в центр каменного круга или сквозь паутину солнечного света, каким-то образом умудрялись обходить это невидимое место, будто оно звенело исходящей от него энергией. Чудесным образом тропы, что брали начало от человеческих лачуг, что шли через джунгли и вверх к садам на холме, огибали пространство между двумя деревьями шореи.

– Не отходите далеко, – предупреждала Утопию и Океанию мать. – Портал откроется в любой момент.

Близняшки сидели по обе стороны от матери, спиной к portalу, и зачарованно глядели на мерцание света на водной ряби и слушали как вода переваливается через камни. Долго усидеть они не могли.

Им не давала покоя мысль, что им придется скоро уйти. Ведь отмерены дни, распределены вдохи, что остались им в этом мире с его чарующей рекой, которая вьется как лента через лиственные джунгли, где на голой земле люди построили свои маленькие хижины,

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

а на отмели важно вышагивают длинно-шеие водоплавающие птицы. Конечно, новый мир по другую сторону может оказаться не менее завораживающим, да еще и далеким от людей, но он будет там, а не здесь, где близняшки впервые открыли глазки и познали воду.

Им так много предстояло всего увидеть, а их ладошкам, пока не знавшим мозолей и шрамов, потрогать. Ута и Кея всегда находили занятие: поиски пустых раковин моллюсков или прогулки по лугам, глядя как кисточки травы высоко колышутся на их головами.

Считалось, что предназначением водяных фей было беречь течение реки, но Ута не придавала правилам особого внимания. Она перескакивала на берег, и Кея спешила следом. Сестры задерживались перед шапкой одуванчика, Ута трясла его, и семена листопадом разлетались им в руки и на плечи и, кружа, приземлялись в грязь, словно перевернутые зонтики. На реке же они садились на молодого карпа и верхом скользили по водной глади, подпрыгивая на встречных волнах.

Настолько крепкой была связь между близнецами, что если одна прикладывала руку к груди, она слышала биение двух сердец:

Тук-тук.

(Тук-тук).

Тук-тук.

(Тук-тук).

Настолько крепкой была связь между ними, что, даже после недолгой разлуки, одиночество, будто змея, заползало к ним под ребра и болезненно пульсировало глухими ударами. Однако, чем старше они становились, тем явственней проявлялись различия между ними. Появились разные желания и неразделённые цели.

Кея, понимая, что переезд совсем близок, держалась возле матери, чтобы не опоздать, когда откроется портал и колокольный звон призовет всех фей. Она была начеку.

Но Уту это известие отводило все дальше и дальше от дома, чтобы, когда портал между мирами построят, не осталось ни единой неизведанной пещеры и ни единой неисследованной воронки.

Она вечно где-то бродила и благополучно терялась, постоянно возвращаясь то вся в аистнике, то на панцире водяной черепахи, то запутавшись в дрейфующей паутине. Каждый раз Кея встречала сестру у дома. Каждый раз Ута сыпала поцелуями, обещаниями и плакала слезинками-росинками.

– Я никогда не уйду так далеко снова, – обещала тогда Ута.

Но сдержать это обещание ей ни разу не удалось.

Луна

Одно из маминых неоспоримых правил гласило: не выходить на извилистую реку. Всю жизнь Луна провела на болоте – она и не желала ничего более, пока рядом были Уиллоу, мама, бабуля Ту и Бенни. Но теперь Уиллоу больна, и правила отошли на второй план.

Задолго до первых проблесков рассвета Луна на цыпочках вышла в безлунную тьму. Спустившись по приставленной к сваям лестнице, что удерживали их лачугу над болотом, девочка отвязала лодку от причала. Сложив небольшой узелок на нос, она, удерживая равновесие, встала в центр лодки. Она подняла шест, глаза потихоньку привыкали к темноте, она была готова покорить воду.

Тени деревни укоризненно нависали над головой, пока Луна шествовала под мостами, что вели от одной хижины к другой, подобно огромной рыбной сети, раскинувшейся через болото. Будто эта сеть окружила ее сверху и пытается удержать здесь, в безопасности.

У самой кромки воды в тающей темноте мелькнули и спрятались тусклые желтые глаза. В грязи притихли насекомые, а на верхушках деревьев дремали макаки. Легкий утренний ветерок гонял туда-сюда липкую жару в предвкушении солнца, восход которого осушал воздух. Луна тряхнула за спиной волосами и насухо вытерла ладошки о тонкую хлопчатобумажную рубашку. Желая поскорее оставить деревню позади, она изо всех сил работала шестом. Карман оттягивала горсть монет, словно груз рыболовную леску. *Воришка*, – подпрыгивали монеты. *Обманщица*, – тянули они. Луна вздернула подбородок. Это ради Уиллоу. Мама не станет волноваться из-за денег, если Уиллоу поправится. Да и возможно, мама настолько сломлена горем и забылась в дыме потрескивающих свечей и щелканье четок, что Луна сможет проскользнуть домой до темноты, и мама даже не заметит ее отсутствия.

Каждая семья в деревне пережила утрату близкого человека из-за изнурительной болезни, и под грузом скорби жители уже перестали искать способы исцеления. Они опустили руки давным-давно после многолетних попыток найти средство, и теперь не позволят разжечь огонек надежды только для того, чтобы потушить его вновь.

Но Луна не сдалась.

Она никогда не была в плавучем городе на озере, но знахарь, о котором говорила бабуля Ту, может стать, подскажет, как вылечить Уиллоу. Луна не могла просто сидеть и смотреть, как чахнет ее сестра. Она должна бороться.

Она шествовала между деревьями пока, наконец, не вышла на реку. Предрассветная тишина болота сменилась шипением воды, которая с плеском прыгала на каркас лодки. Суденышко набирало скорость, и Луне уже не было нужды прикладывать усилия – течение само несло лодку, требовалось лишь держать нос по курсу и рассекать встречные волны. Если же нос наклонялся в какую-нибудь сторону, то стремнина ликующе врезалась в выступающий борт, тогда Луна шестом старалась выровнять лодку.

Еще до того как запели утреннюю песню хрупкие птички, а пресноводные крабы закопошились в своих норах, река уже знала, что Луне не стоило уезжать одной. Река также знала, что плоскодонке не место среди быстрого течения.

Лодка принадлежала отцу Луны, а до этого бабуле Ту. После смерти отца она досталась Луне. В то время девочка была не выше шеста, а суденышко казалось ей просторным островом. Ей разрешалось двигаться через камыши по краю болота и обязательно с кем-нибудь из взрослых – с бабулей Ту, дядей Тимом или мамой, хотя последняя присоединялась редко, – и если вдруг Луну заносило слишком далеко, сопровождающий толкал ее снова на мелководье.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Когда Луна впервые взяла с собой Уиллоу, малышка не могла наглядеться на всех этих подводных существ с хвостами веером и плавниками. От воспоминаний у Луны заныло в груди, и она в сердцах прикусила щеку изнутри. Уиллоу поправится. Обязательно.

– Эй!

Луна быстро посмотрела на берег, где среди деревьев кто-то бежал и размахивал руками над головой.

– Твоя мама с тебя скальп снимет!

Луна нахмурилась и продолжила движение, сосредотачиваясь на равновесии лодки. Через плечо она крикнула:

– Если ты прибежал читать мне нотации, то лучше бы сидел дома!

– Да брось ты. Я знаю, я тебе нужен, – отозвался Бенни.

Луна не ответила, и с берега перестали доноситься быстрые шаги.

– Ну я же тоже хочу помочь Уиллоу!

Луна уперла шест в глыбу, и нос нырнул под неизвестно откуда выпрыгнувший гребень волны. Выравнивая судно, девочка наклонилась в противоположном направлении, а потом непринужденным толчком направила лодку к суше.

Сквозь заросли камышей суденышко скользнуло на берег. Бенни забрался внутрь, сдвинул мешающий ему узелок Луны и, заваливаясь то на одну сторону, то на другую, суетился пока не уселся на носу прочно как аист. Обернувшись, он похлопал бугор у себя на боку.

– А еще я захватил медовые пряники, – сообщил он тоном перемирия.

Желудок Луны предательски заурчал, да так громко, что смог бы разбудить спящих вепрей. Плечи Бенни затряслись от беззвучного смеха, но он слишком хорошо знал Луну, чтобы дать ей малейший повод развернуться и выбросить его обратно на берег.

Луна искоса посмотрела на пассажира и толкнула лодку в поток, который вынес их прямо на середину реки. Местами речное дно было заиленное, местами – каменистое, и если бы Луна зазевалась, ее шест соскользнул бы с гладкого камня и толкнул она посильнее, плюхнулась бы за борт.

В упрямом молчании друзей взошло солнце. Рассвет взбудоражил жуков, а вместе с ними оживились и рыбки, которые принялись задорно плескаться вокруг лодки. Черноперый окунь, прорезав водную гладь, вылетел из тени и, расправив перышки, нырнул в дрожащую жилку реки прямо перед лодкой.

Но каждый раз, когда, созерцая что-то доселе невиданное, Луна восхищенно ахала, немой укор омрачал ее радость. Она чувствовала себя предательницей, которая веселится, когда ее сестра в опасности.

Наконец желудок Луны нарушил молчание. Бенни развернулся и, сидя лицом к корме, передавал Луне пряники по одному. Однако бесхитростная улыбка на его губах означала, что медовыми пряниками он угощает не даром. Ему нужны были ответы.

– Так ты собираешься найти лекаря?

Луна скривилась:

– А ты-то откуда узнал?

– Не скажу. А еще я прикрепил петлю к твоей двери, чтобы знать, когда ты уходишь, – сказал Бенни и разлегся с довольной ухмылкой. – В самом деле, это я должен злиться. Как ты вообще могла подумать о приключении без меня?

Луна фыркнула. Ее затея была до крайности глупа. А если ее короткая жизнь чему и научила, так это тому, что на случай свершения наиглупейших затей, лучшего спутника, чем Бенни ей не найти.

Утопия

По реке плыла лодочка из бананового листа, которую маленькое семейство смастерило на один день. Ута стояла у руля, в одной руке держала стебелек, а другой хлопала по воде, расплескивая неугомонные капли. Лежа на спине, Кея любовалась облаками и тем, как эти бесформенные комочки вытягивались, менялись и становились похожи то на птичий клюв, то на распускающийся бутон, то на гладкую ящерицу-сцинку, которая влезла на камень и греется на солнце. Их мать подносила к губам полый тростник и, подув, выпускала под воду вереницу пузырьков, которые раскачивали их самодельное судёнышко.

И каждый раз Кея весело хохотала в голос, а Ута не переставала радоваться смеху сестры.

– Неужели нам обязательно переезжать? – спросила Ута у матери, покинув свой пост, чтобы улечься рядом с Кеей. – Люди нам больше не мешают. Река чудесная. Рыбки и птички, и даже жучки такие дружелюбные здесь.

Мать цокнула языком.

– Ты сама знаешь ответ, Утопия. Как бы то ни было, человек развивается, а мы вымираем. Прошли те времена, когда мы не прятались от людей, а жили с ними в мире и делились своей магией. Но они пробрались глубоко в недра земли и извлекли на свет тяжелые металлы, отравляя воздух и все, к чему прикасались. И теперь этот мир слишком тесен для наших народов. Если мы не поторопимся, потом у нас уже не хватит сил на создание портала. Тогда мы просто не сможем уйти. И без того мы способны сотворить лишь одну дверь и держать ее открытой между мирами всего несколько минут.

Ута поджала губы. Кея накрутила прядь волос на веточку цветущего винограда и воткнула ее между косичек.

– Вот увидишь, – уверяла мать, – в новом мире, который отыщут для нас создатели портала, рыбки будут такими же дружелюбными, а волны такими же чистыми.

– И мы будем рядом! – воскликнула Кея. – А это самое главное. Как только мы переберемся на новое место, я помогу тебе составить карту нашего нового ручья. Я отправлюсь с тобой слушать музыку нового течения и пробовать вкус нового озера. У нас будет настоящее приключение – всё как ты любишь. Вот увидишь!

Но Ута не успокоилась. Она решила смастерить какую-нибудь вещицу, что позволила бы каким-то образом взять этот мир с собой. Смастерить для себя и для Кеи.

Из отполированных корней инжира Ута сплела два венка. На них она нанизала хрусталики из горного ручья, агатики с соленых морских берегов и радужные раковины улиток, хранившие память таинственных глубин озера. Каждую ночь, когда все прислушивались к пению заклинателей портала, Ута вплетала в венки новые сокровища. А каждое утро она вытряхивала карманы и отправлялась на поиски ключевого предмета.

– Ута, хватит скитаний, – просила Кея. – Ты же слышала маму. Сейчас такое время, что дверь откроется и *закроется* в любой момент. Тебе надо быть с нами, когда это случится.

– Да ты и моргнуть не успеешь, как я прошмыгну от озера сюда и обратно. Я приду точно в срок.

– Перестань быть такой упрямой!

– А ты перестань паниковать!

Кея раздраженно шагала прочь. Она не понимала что за сила снова и снова зовет ее сестру все дальше и дальше от дома. Но поскольку не было шанса удержать Уту, Кея поставила себе задачу найти способ возвращать сестру из самых далеких прогулок.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Она внимала и училась, и работала над причудливыми плетениями магии фей. Кея следила за движениями рук создателей портала и считывала слова с их губ, пока те формировали дверьи и исследовали миры, что скрывались за ними.

Уту не занимали столь статичные занятия, ей хватало усидчивости использовать только те чары, которые ее пальчики могли легко распутать. Но Кея была усердная от природы. Она не пыталась повторить ту же магию, что открывает порталы. Ей требовалось знать, требовалось освоить возвращение домой, магию вызова в родное гнездо.

Из-за постоянной работы заклинатели не передавали свои знания другим, они говорили, что в новом мире еще успеют обучить желающих. Поэтому Кее пришлось во всем разбираться самой. Сначала она заколдовала лист, чтобы он мог к ней вернуться из любого места на реке. Потом она наложила чары на жука, чтобы он прилетал по ее зову где бы она ни находилась.

Но одно дело подчинить себе волю листа или жука и совсем другое – вызвать разумное существо. Кее требовалось что-то очень могущественное, порождающее магию, способную привести к ней сестру. Она рыскала вокруг в поисках известных волшебных элементов. Сначала она обратила взор на растущие на мелководье камыши, которые уверенно тянутся ввысь, пусть даже в их корнях без устали копошатся крабики, а переменчивые ветра клонят к земле. Связав из зачищенного камыша пояс, она обвязала его вокруг талии Уты, нашептывая при этом связывающее заклинание вызова.

– Неужели мне весь день надо таскать на себе эту штуку? – застонала Ута, когда Кея завязала узел. – Этот камыш ужасно колючий. Из-за него я вся покроюсь сыпью.

Тем не менее, она и не подумала его снять. А когда пояс не оправдал ожиданий, она ходила с глазной повязкой из паутинного шелка. А когда и повязка не сработала, она ходила с ножными браслетами из заплетенных прожилок листьев.

Заклинатели портала и мать близняшек встревожились бы не на шутку, узнай они куда завели Кею бесчисленные попытки и поражения. Но новые действия приводят к неожиданным результатам. Она выяснила, что не все добываемые металлы опасны.

По крайней мере, один из них дал ей желаемое.

Серебро обожгло кончики ее пальцев леденящим огнем, вбрасывая под кожу студёные мурашки. Из-за золота ее шейные позвонки стали дребезжать как чашечка о блюде в руках дряхлого старика. В одной комнате с железом даже находиться было невыносимо, если она не хотела потом три дня страдать от головной боли и чувствовать себя опустошенной словно осушаемое во время отлива болото.

Невидимкой она проникала в жилище людей и перебирала их вещи. Потребность найти ответы была сильнее, чем угрызения совести из-за воровства. Только она забралась на порог квадратной хижины в центре низины, как ее едва не затоптала выбежавшая из двери девочка. Кея съежилась у перил, чтобы никто ее не заметил.

Девочка повернулась к лачуге, приставила руки к губам и закричала:

– Тин, давай скорее!

Коротконогий мальчонка приковылял на порожек.

– Подожди меня!

Девочка стрелой помчалась к реке, и мальчик снова ее окликнул на этот раз жалобно подвывая:

– Мама сказала, что ты должна взять меня с собой, Ту!

Когда человеческие дети скрылись, Кея осторожно ступила на перемычку двери, озираясь кругом на случай, если кто-то еще вывалится из дома. Люди такие... большие. И неуклюжие. И громкие.

Кея обследовала хижину, заглядывая в корзины и копаясь в ящиках. Наконец, на прикроватном столике рядом с комковатым матрасом она наткнулась на оловянное блюдо в форме листа, поднесла к нему ладони и не ощутила боли. Слегка коснулась пальцами – не

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

обожгло. Кея опустошила блюдце и взяла его обеими руками. Неведомой силой налилось ее тело, и в тот же миг она почувствовала, что именно об этой штуковине она и мечтала, и что ее поиски не оказались напрасными.

Кея на цыпочках вынесла добычу, теперь она и в самом деле стала воров. Вскоре от тяжелой ноши у нее заныли руки. Крошечная подставка для человеческих побрякушек оказалась огромным блюдом в руках Кеи.

Свою находку она принесла на берег реки, между деревьями. Поскольку ей требовалось не более пушинки этого вещества, она прошептала заклинание разрушения и пальцем словно лезвием сняла с поверхности гладкую полосочку. Далее она положила срезанное в дробильный камень и снова зашептала, но на этот раз не слова разрушения, а заклинания огня и перемен. Оловянный осколок переплавился в маленькую круг с полым углублением в центре. С помощью щипцов Кея вынула диск и погрузила его в реку. В клубах исходящего пара раздалось суровое шипение. Еще три металлических кусочка таким же образом были переплавлены в диски. К каждой паре она прикрепила зажим и петельку.

Кружочки звенели от соприкосновения, составляя два идеально ровных медальона. Но внутри они скрывали не фотографии и не заветные локоны, а стоило их открыть, как они превращались в портал. Личные двери, через которые можно вызвать потерянное.

И не только.

Если нашептывания Кеи сработают, то медальоны переместят к ней Уту, где бы та не пропала.

Пряча за спиной венки, Ута нетерпеливо ждала сестру. Мелкие рыбешки крутились возле ее ног, отражая свет серебристыми спинками. Кея шла вдоль берега, чтобы встретиться на отмели. И тоже сжимала в руке подарок для сестры. И тоже загадочно улыбалась.

Ута не выдержала и резким движением надела венки Кеи на голову. Сотни малюсеньких сокровищ переливались на этом ободке из полированного дерева насыщенного коричневого цвета.

– Здесь самое лучшее из всех уголков, где я побывала, – объяснила Ута, натягивая второй веночек себе на лоб. – Теперь можно и уходить. Теперь можно и перейти в другой мир, захватив с собой этот.

Кея поцеловала сестру в щеку:

– Ута, он великолепен.

Кея завязала на шее сестры свой подарок. Медальон был легче перышка и нежно касался кожи Уты, будто только и ждал воссоединения со своей хозяйкой.

– Он тоже заколдован? – спросила Ута, изучая гравировку на медальоне. – Намного лучше, чем тот колючий пояс из тростника.

– Еще бы, – ответила Кея, застегивая такой же медальон на своей шее. – Открой его.

Ута звякнула замочком и уставилась внутрь. Там, где она ожидала увидеть обычный металл, в кружении белых облаков парило лицо сестры. В изумлении Ута подняла глаза. В медальоне и прямо перед ней отражалась одна и та же картинка – те же поднятые брови, та же расплывающаяся усмешка и непроходимые джунгли на заднем фоне.

– Это действительно ты внутри?

– Действительно я, – ответила Кея. – Где бы ты ни была, в какие бы дебри не забрела, теперь я всегда смогу вернуть тебя домой.

– Кея, – восхищенно выдохнула Ута. Захлопнув медальон, она нежно обхватила его ладонями, затем подскочила к сестре и поцеловала в обе щеки.

– Точно в полдень, когда солнце достигнет зенита, открой медальон. В точности в это же время я открою свой.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Ута пристально посмотрела на близняшку:

– И что произойдет?

– Увидишь, – подмигнула Кея, стараясь казаться уверенней, чем была на самом деле.

Днем сестры по обыкновению разбежались кто куда. Кея наблюдала за создателями портала. За последние несколько недель они удвоили усилия – возможно, они, наконец, отыскали подходящее место – зеленое, чистое и просторное, где каждый найдет себе дом.

Тем временем Ута отправилась вверх по реке. Она слышала шепот нового, неизведанного родника, доносившийся с другой стороны озера. Она слышала, что где-то далеко булькал этот ручеек – бледный, как новорожденное облако, и шелковый, как подшёрсток утенка. И она догадывалась, где он мог прятаться. Так, она покатила вверх по течению, вокруг волнистых поворотов, и оказалась на зеркальной поверхности озера Диндили. Она уворачивалась от людского плавучего города, с барж которого свисали щетинистые канаты с переливающимся ядом на концах.

Она последовала вглубь за потоками к каменистому дну озера, с глубин которого всплывало ледяное течение. Потоки сужались и ползли вверх по склону к журчащим скважинам в скале, откуда просачивались тонкие струйки воды, целуя воздух, приветствуя жужжащих обитателей и перевоза в себе стручки с семенами.

Ута коснулась висевшего на шее медальона и вскинула голову. В запасе не менее часа до того, как солнце встанет прямо над ней. Нетерпеливо осмотревшись, она подтянулась и пролезла в расщелину.

Пока она пробиралась через заполненную водой тесную трещину, которую высек в скале родник, свет померк. Она плыла сквозь темноту, пока ее не пробрала дрожь от макушки до кончиков пальцев ног.

Внезапно мрак перестал казаться веселым приключением. Тьма давила на нее со всех сторон, сковывая дыхание. Она приложила руку к сердцу.

Тук-тук.

(Тук-тук).

Тук-тук.

(Тук-тук).

Очень слабо, но она услышала сердцебиение сестры, пробивающееся к ней от далекого-далекого ручья. Ощущение ужаса и цепкой всепоглощающей тьмы развеялось.

Ута пулей помчалась прочь. Преодолев несколько поворотов тоннеля, она услышала треск – это треснул камень, расколов ручей на два. Первый поток прятался в недра земли, в озеро. Ута направилась вверх за вторым потоком, в конце которого просматривался тусклый отголосок света. Она проваливалась и падала, неуклонно вставая, пока наконец не прорвалась к солнцу.

Она жадно глотала воздух и быстро моргала, наслаждаясь дневным светом и пробегающим по коже свежим ветерком. Ключ бил из скалы, но через несколько шагов нырял внутрь, чтобы потом явиться и так, змеем извиваясь, он то скрывался с глаз, то радовал вновь.

Ута нашла таинственный родник, но она до сих пор чувствовала липкий вкус сковывающей тьмы, и это омрачило ее успех. Она не нырнула обратно, чтобы исследовать свое открытие. Сложив ладони лодочкой и зачерпнув прохладной чистой воды, она сделала долгий глоток.

Отвернувшись от родника, Ута поскакала вниз по змеевидному фонтанчику обратно к озеру, над которым яркое солнце золотило все вокруг. Дрейфуя на водной глади, она купалась в тепле безоблачного неба. Открыв медальон, она заглянула внутрь. Пусто. Она сверила время по расположению солнца. Уже почти полдень.

По правде говоря, она не особо верила, что этот амулет сработает лучше, чем браслет на ногу, повязка на глаз или колючий пояс из ростника. Тем не менее, Ута ждала.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Легкая рябь озера укачивала ее в своей колыбели. Любопытные рыбки покусывали ей пальчики и одна за другой прыгали по дуге вокруг нее; и вскоре последние приступы страданий покинули ее, и она весело засмеялась, поглаживая гладкие чешуйки и шелковые плавники своих друзей.

Вспышка белого света привлекла ее внимание и она подняла медальон к глазам. Внутри крохотного окошка кружили хлопья облаков. Из тумана выплыло лицо Кея. Она улыбнулась, и точно такая же улыбка через мгновения отразилась на губах Уты.

Кея произнесла какое-то незнакомое слово. Ута слушала, как вдруг ее что-то ударило и затянуло в облачную воронку. Озеро исчезло и на мгновение одного отрывистого вдоха она погрузилась в белое. Второй удар, и она снова стоит и смотрит в белые вихри облаков медальона.

Однако, уже не на озере. Она стояла на скругленном корне шореи, рядом с сестрой, которая прыгала, сияя от радости.

Получилось! Получилось!

Ута недоверчиво огляделась. Вот река, а вот луг, испещренный человеческими лачугами. На окраине джунглей усердно работали заклинатели. Ута звонко защелкнула амулет.

Так ты вызвала меня сюда одним единственным словом через... через этот медальон?

Кея кивнула, и ее улыбка затмила бы собой даже самый яркий солнечный свет. Кея взяла руки сестры.

Теперь я отовсюду смогу тебя позвать, как бы далеко ты не ушла.

Луна

Когда Луна направила лодку на широкие воды озера Диндили, солнце уже стояло в зените, а река лениво раскинулась, как свинья в загоне.

Вдоль всего берега ютились походные лагеря. Судна сновали к сердцу плавучего рынка, где пришвартованные баржи соединялись между собой бамбуковыми дорожками и пестрыми причалами. Жители озера привязывали свои лодки к баржам, словно крестьяне своих коров.

– Я никогда не видел так много людей! – воскликнул Бенни.

– А я никогда не видела там много лодок!

Едва шест перестал касаться дна озера, Луна заботливо сложила его между ступней.

– Твой черед потрудиться, – объявила она, передавая Бенни плоское как хвост морской свиньи весло, и пристально посмотрела на озеро. Она увидела и плоскодонки, совсем как у нее, и малые шаланды с рыбными сетями, и корабли с крутым килем, оснащенные парусами на палубе, похожими на расправленные готовые к полету крылья.

Бенни работал плоским веслом то с одного борта лодки, то с другого. Ледяная прозрачная вода озера стекала по его коленкам на голени и очень скоро он стоял в небольшой луже. Чем дальше от берега, тем ощутимее волновалась гладь. Ветер усилился, волны уже бились одна о другую, раскачивая и окуная маленькую плоскодонку. Второе весло Луна использовала как руль и, если они сбивались с курса, отталкивалась им с нужной стороны.

Добравшись наконец до причалов, Луна и Бенни с выпученными глазами стучали зубами от холода, а волосы на их руках и ногах стояли дыбом. Первым спрыгнул Бенни. Прихватив с собой беседочный узел, Бенни привязал его к крепительной планке причала. Затем он встал на колени, выравнивая борт, а Луна выудила пожитки и перепрыгнула сама.

Друзья не кинулись сразу в снующую толпу, а присели ненадолго, греясь в лучах солнца, и мягкие перестукивания доков о баржу и между собой успокоили ребят окончательно. Бенни извлек из карманов припасы: копченую рыбу и медовые пряники; а еще путешественники по очереди макали пальцы в кокосовый пудинг и слизывали с них тягучую сладость. Солнечные зайчики плясали в каждой капле мелких волн, которые ребята поднимали, беззаботно бултыхая ступнями в озере.

– Луна, а что если эта знахарка не сможет помочь Уиллоу?

– Сможет, – ответила Луна. – Иначе быть не может.

Через четверть часа, расправив затекшие ноги, друзья направились к ближайшей крупной барже. Крепко сжимая монеты, Луна шла вдоль повозок с едой, цветочных лавок, палаток мастеров по дереву и кузниц мастеров по металлу и искоса поглядывала на заводных кукол и кудахтающих цыплят в коробках.

Если бы она приехала сюда с Уиллоу и бабулей Ту в иное время и по иной причине, она бы внимательно изучила каждую палатку и насладилась всеми вкусами. Теперь же она останавливалась только узнать дорогу или одернуть Бенни от телеги с фейерверками и удержать от игры "пни банку", на которую неожиданно зазывали из парочки пустых палаток.

С северной стороны третьей баржи пьянящий запах припарок и засушенных трав привел к лачуге с раскачивающейся табличкой на двери. Она гласила:

Лекарь. Изготовитель лекарств.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Поставщик первоклассных тоников, эликсиров и настоек.

Казалось, путь вверх по реке длился вечно и стал настоящим испытанием для терпения Луны, но сейчас, когда цель была так близка, девочка боялась сделать последний шаг. Она резко остановилась, и Бенни пришлось отступить в сторону, чтобы не врезаться в нее.

– Бенни?

– Что?

– А что если ты прав? Что если лекарь не сможет вылечить Уиллоу?

Бенни снял мешок с плеча Луны.

– Тогда ты придумаешь другой способ. Давай же, заходи, – ответил он, присаживаясь на обдуваемые доски возле двери, веки его тяжелели, он широко зевнул. – А я подожду тебя здесь.

Луна сделала глубокий вдох и шагнула в приемную. Полдюжины человек сидели на подушках возле стены и глядели куда угодно, лишь бы не на других пациентов, будто осведомленность о чужих болезнях была заразной. На стенах висели анатомические плакаты. Рисунки мышц со снятой кожей, костей и кровеносных сосудов в разрезе вызвали у Луны мурашки, она быстро перевела взгляд.

Луна уселась в углу на груды подушек, откуда через занавесь из нанизанных ракушек и отполированных костей она наблюдала за знахаркой, которая, склонившись над столом в дальней комнате, что-то сосредоточенно рассказывала. Мысли Луны обратились к дому. Проснулась ли Уиллоу? Спрашивала ли о ней? Может, она уже чувствует себя лучше? Догадалась ли мама, что Луны нет в деревне? Расстроилась ли она? Разгневалась?

В теплой приемной висел густой аромат снадобий – вскоре головка Луны скатилась к плечу, глаза закрылись под тяжестью век, и девочка уснула. Было далеко после полудня, когда подошла ее очередь, и знахарка растормошила ее, болтая массивным ожерельем перед носом.

– Поторапливайся, девочка, – скомандовала она и прошмыгнула к себе в кабинет. Луна последовала за ней, потирая сонные глаза и уворачиваясь от костно-ракушечных занавесок, которые брызжали и клацали в кильватере знахарки.

Врачевательница устроилась за столом, уставленным баночками, пузырьками и шаткими стопками заплесневелых книг. Облокотившись на щербатые доски стола, она сложила ладони домиком и произнесла:

– Итак, чем я могу помочь?

Луна села напротив, ткань по краям пуфа, послужившим ей стулом, протерлась до дыр, а наполнитель скомковался. Она достала из кармана горсть монет и высыпала их на стол.

– Пожалуйста. Моя сестра больна.

Женщина вытянула крючковатую руку, похожую на корни затопленного дерева. Откинувшись в кресле, она сердито уставилась на Луну.

– Дай угадаю, – начала она. – Ты живешь на болоте вниз по реке.

Луна кивнула, нахмурившись и сморщив лоб. В плавучий город прибывают гости со всех концов света, откуда она узнала, что Луна живет на болоте? Девочка потерла щеку. Может быть она запачкалась грязью, когда шествовала по дороге сюда. Такое с ней уже случалось.

– И еще, – продолжила целительница, – речь идет о внезапной смертельной болезни, которая длится ровно три недели. И ни одно лекарство не помогает?

Луна снова кивнула, в животе пробежал неприятный спазм.

– Дитя, – глубоко вздохнула женщина, – неужели ты возомнила, что первая обращаешься ко мне за исцелением недуга, не имеющего ничего общего с врачевательством?

Луна сглотнула. Что это значит? Она не сможет помочь? Луна проделала весь этот путь... напрасно?

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

– Но табличка на двери гласит "первоклассных". Там написано "изготовитель лекарств".
Сделайте мне лекарство!

– Лекарства бесполезны там, где замешана магия.

– Но я принесла деньги.

Голос Луны взлетел вверх к свисающей с балок паутине.

Знахарка только покачала головой.

– Вы лгунья, вот вы кто! – завопила Луна, лицо ее пылало. Ей показалось, что пол закачался, хотя она знала, что сцепленные баржи в таком количестве по стабильности не уступали суше. – Вы обыкновенная лгунья!

Знахарка вложила монеты в ладонь Луны, выпроваживая ее через лязгающие занавески.

– Я не могу помочь ни тебе ни кому-либо еще с этого проклятого болота. Прости, дитя. Но это правда. Возвращайся-ка лучше домой и побудь с сестрой, не так много времени у вас осталось.

Она выпроводила посетительницу из лавки, но Луна сверлила старуху взглядом, пока обветренная дверь не захлопнулась у нее перед носом.

– Я не верю в проклятия.

Утопия

Ута отдыхала в высоких ветвях шореи, когда низко и гулко раздался первый из трех звонков. Звук пробежал по водной глади, взлетел к облакам и помчался к мшистым деревьям. На миг повисла мертвая тишина. А через секунду забурлила суета. Феи спрыгивали с нижних ветвей и выныривали из проплывающих облаков. Они появлялись из реки – с их мокрых волос текли ручьи, а на поверхности отпечатывались следы маленьких ножек. Все феи и эльфы стекались к широко открытому portalу, который висел в воздухе белой туманной дымкой, соединяя этот мир и новый.

Ута забралась на дерево, потому что не могла больше сдерживать любопытство, ей судорожно хотелось понять свободный танец лесных фей, которые порхают на верхушках деревьев под небесным куполом, подобно камушкам, скользящим по поверхности воды. Но она обнаружила лишь, что ее ноги-ласты, так хорошо приспособленные для плавания и катания на волнах, совершенно не чувствуют, что сейчас под ними обломится сучок или ветка хлестнет рикошетом, если с нее прыгнуть, а еще некоторые листики сворачивались вокруг коконом, а другие падали на голову от малейшего движения. Подняться к вершине не составило особого труда – словно белка она хваталась за выступы коры и ползла вверх. Но спуск оказался не так прост. Путь вниз состоял из медленных аккуратных, как у котят, прыжков с одной веточки на ту, что под ней.

Прозвенел первый колокол – Ута посмотрела в сторону открытой двери в воздухе. Кея должна быть там, совсем рядом, в руках она сжимает медальон, она ждет сестру и готова в случае чего призвать ее и пройти через портал вместе.

Ута взглянула на клетку ветвей у нее под ногами. И зачем она залезла так высоко? Почему не осталась на реке, где она, глазом не моргнув, преодолевает огромные расстояния? Может, Кея призовет ее сейчас. Может, она догадывается, что Ута угодила в очередные неприятности, и нет смысла ее ждать, а надо поскорее вызвать. Ута открыла медальон и уставилась в круг, надеясь увидеть сестру. Но внутри парили только белые облака.

Захлопнув медальон, Ута стиснула зубы и прыгнула; она соскальзывала, точнее, падала с одного листа на другой, маневрируя между толстыми ветками, под угрозой быть расплюсченной как муха из-за одного неверного движения. Она вращала руками для равновесия, а ноги едва касались поверхности.

Раздался второй звонок.

Быстрее... она должна быть быстрее. Ута спрыгнула с ветки, на которую только что приземлилась, перескочила на ствол дерева и начала скатываться по нему вниз, раскинув руки и ноги, пытаясь ухватиться за всевозможные выступы. Она выла от боли – кора обжигала ее нежную кожу и глубоко царапала бедра и предплечья. И когда уже сквозь сплетение веток показались земля и милая ласковая река, культия давным-давно отломанной ветви подставила Уте подножку и сбросила ее со ствола. Небо и земля, затем снова небо, потом опять земля вспыхивали перед ней, пока она безудержно летела прочь от импровизированной лестницы.

Резкий толчок прервал свободное падение Уты, она зацепилась за острый выступ и повисла. Ее иступленно раскачивало на том самом ожерелье, сделанное для нее Кеей. Ута билась в воздухе на конце цепочки. Медальон уперся прямо ей в подбородок, если бы она только сумела его открыть, Кея бы ее забрала. Безусловно она вызовет ее сейчас, когда третий звонок зазвучит в любой момент.

Ута дотянулась, но лишь ее пальцы коснулись оловянной крышки, цепь треснула, и феечка полетела вниз. Падала она, падал и медальон. Долю секунды они падали бок о бок, но с каждым мгновением пропасть между ними росла, и вот уже блестящая цепочка унеслась из

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

поля зрения Уты. Медальон, что был ценнее всех неизведанных глубин и непознанных вершин, пропал.

Луна

Луна и Бенни покинули плавучий город на своей маленькой плоскодонке в вечерних лучах солнца. На этот раз Луне не пришлось отбиваться от волн. Казалось, что само озеро прониклось горем девочки и не желает чинить ей препятствия.

Озеро влилось в реку, а река, извиваясь в джунглях, серпантинном вела к сердцу леса. И даже река, словно зная о всепоглощающей печали, заботливо несла друзей, как грудничков в корзинке, до самого дома.

Руки Луны ныли из-за утреннего подъема по реке, и теперь почти всю дорогу безжизненно висели вдоль туловища, а шест волочился в кильватере лодки. И лишь раз в несколько минут, девочка равнодушно окунала его в русло реки и отталкивалась.

Она была абсолютно уверена, что знахарка поможет, хоть что-нибудь сделает для Уиллоу. Возможно, мама права. Возможно, в самом деле, надежды нет.

Бенни не проронил ни слова с тех пор, как они отшвартовались от причала и покинули озеро. Но плечи его были опущены, а дыхание постоянно прерывалось тяжелыми прерывистыми вздохами.

– Она ведь даже не попыталась, – произнесла Луна, вздрогнув от звука своих слов, нарушивших тишину вечернего удушливого воздуха.

Бенни повернулся и уставился на подругу.

– Она даже не попыталась, – тихо повторила Луна. – Сказала, что врачевательство бессильно в лечении этой болезни. Обозвала наше болото проклятым.

– Конечно, проклятое, – ответил Бенни, подёрнув бровью. – Папаша все время так говорит.

– А я не верю в проклятия.

Бенни шумно выдохнул через стиснутые зубы.

– Неужели так тяжело во что-то поверить?

Луна толкнула шест в русло.

– Мама полдня торчит в местной молельне, когда могла бы проводить это время с Уиллоу. Когда могла бы общаться со мной. Бабуля Ту по малейшему поводу сверяется со своими лунными картами и разглагольствует о проклятиях и духах. А для чего?

Бенни пожал плечами:

– Наверно, им это нужно, чтобы было кого обвинить, чтобы было куда пойти за надеждой.

– Что ж, ни то ни другое не помогает. Не помогло отцу тогда и сейчас не поможет... – Луна прикусила нижнюю губу и, часто моргая, посмотрела на небо. – Уиллоу не станет лучше только от того, что мы все этого дружно захотим. Если мы сами не найдем способ ее вылечить, никто и ничто ей не поможет.

Под щебет сверчков и трель болотных птиц дети вернулись домой. Солнце плыло к земле, подмигивало сквозь деревья и сползло за горизонт, словно светилу не терпелось поскорее покончить с этим днем. Небо покрылось серебром, и пылинки, танцуя как крошечные крылатые создания, парили в уходящих лучиках света.

Бенни поерзал и ударился коленом в шуршащий и гремящий мешок.

– А это еще что такое? – поинтересовалась Луна. – Что ты прихватил?

– Вертушки и огненные шары, и целую гору ракет для празднования перигея. Пока ты храпела в приемной я чутка прибахлился.

– Я не храпела!

– Еще как. – Бенни быстро заговорщически улыбнулся. – Только папаше не говори.

– Как ты можешь думать о фейерверке в такое время?

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Бенни вздрогнул.

– Никто не любит смотреть фейерверки так сильно как Уиллоу. Я подумал, что, по крайней мере, могу заставить ее улыбнуться. – Он покрутил помятый край рубашки. – Возможно, это единственное, что мы все теперь можем для нее сделать.

Луна воткнула шест в топь. Оттолкнулась она намного сильнее, чем следовало, и некоторое время ей пришлось молотить широко раскинутыми руками, чтобы встать прямо вновь.

Утопия

– Мы не можем уйти без нее! – плакала Кея. Белые облака все быстрее и быстрее бурлили в подвешенном в воздухе портале. Феи проходили в новый мир парами, после чего их фигурки таяли как кусочки мела в грозу.

– Вызови ее. Скорее! – подгоняла мать. Она схватила сумку из ручной пряжи, в которой вместилось все, что они хотели взять с собой. На лице ее не было ни кровинки.

Кея нахлобучила веночек себе на макушку и открыла медальон, там кружились те же белые облака.

– Ута, – прошептала она.

– Утопия! – в сердцах крикнула мать.

Никакого ответа. Не появилось в белой дымке виноватого лица. Если Ута застряла где-то, если потерялась, она должна открыть свой медальон. Она знает, что Кея ее призовет.

– Ута, отвечай! – на этот раз Кея повысила голос.

И снова молчание.

– Океания, нам нельзя больше медлить, – сказала мать, пристально разглядывая густые джунгли, словно не теряла надежды, даже после этих роковых слов, что в любой момент, доказав их неправоту, Ута может выпрыгнуть к ним из чащи.

– Мы должны уходить. Сейчас! Мы не удержим дверь открытой для нее, и ждать больше не можем. Портал закроется с третьим звонком, и мы не в силах будем открыть его вновь.

Мать толкнула Кею в поток сородичей, спешивших к открытому переходу. Вихри белого дыма маячили перед ними, обволакивали, омывали, служили последней невесомой преградой между новым и старым мирами.

– Если мы сейчас же не уйдем, то останемся здесь втроем. Утопия носит твой медальон у себя на шее. Значит, ты сумеешь вызвать ее с той стороны.

– Ута! – закричала Кея, открытый медальон упал ей на грудь. Она позволила толпе увести себя, но лишь на чуть-чуть, так, чтобы выбраться, когда к двери явится Ута, запыхавшаяся, в последнюю секунду, как она это обычно делает.

Ута, где же ты?

Луна

Когда Луна и Бенни наконец прибыли на болото, и плоскодонка уперлась в сваи лачуги Луны, дети едва стояли на ногах, уставшие от долгой дороги и сгорбленные под тяжестью глубокой печали, что подобна воде, притягивающей облака к земле. Дрожащими руками и ногами они поднялись по лестнице.

На той стороне мостика кто-то выглянул из дверного проема хижины Бенни. По всему болоту разнесся крик, все двери распахнулись, и по узору паутины вспыхнули лампы.

Луна вздрогнула:

– Вот тебе и улизнули незаметно из дома.

Папаша Бенни вылетел на мостик и схватил сына в охапку:

– Никогда, слышишь, никогда больше так не поступай!

Новость разлетелась по всей округе и достигла молельни – самой высокой точки деревни. Дверь приоткрылась со скрежетом, а потом распахнулась настежь. Переходный мостик ходил ходуном – мама бежала к ним навстречу. Приближаясь к толпе, что окружила детей, она замедлила шаг и, опираясь на перила, тяжело дыша, пошла дальше пешком.

– Где вы были? – прошептала мама и, подойдя ближе, разглядела глубокие тени, залегшие под глазами дочери. Она схватила Луну за плечи, тело девочки было натянутое как тетива лука.

– Я ездила в плавучий город за лекарствами для Уиллоу.

Мама отшагнула, руки бессильно повисли.

– Да? – отстраненно произнесла она, на лице, сменяясь одна за другой, отражались мысли, как рябь на поверхности воды во время застоя между приливом и отливом – сразу во всех направлениях. Она протянула раскрытую ладонь. – Так давай же его мне.

Луна прикусила нижнюю губу.

– Знахарка сказала, что не может нам помочь.

Протянутой ранее рукой мама хлопнула себя по бедру.

– А я говорила тебе, что это бесполезно. Неужели сложно было послушаться?

Из груди Луны изверглась накопившаяся боль.

– Да потому что ты только и делаешь, что торчишь в этой молельне, а бабуля Ту пялится в свои лунные карты, и никакого толку. А нам, мама, нужно что-то делать!

Бенни выкрутился из объятий папаши и взял Луну за руку.

– Луна, – вздохнула мама, – ты думаешь, я бы не сделала для Уиллоу все возможное, будь у меня хоть толика надежды.

Она не стала дожидаться ответа дочери. Она пошла к дому одеревенелой походкой, неся на плечах всю тяжесть сочувствующих взглядов.

Рука Луны выскользнула из ладони Бенни, и папаша его снова поднял и крепко прижал к себе.

– До завтра, Бенни, – попрощалась Луна.

В комнате мама склонилась над Уиллоу и прижала ладони ко лбу и щекам младшей дочери. Прячась в тени панельной ширмы, Луна видела, как мама вышла из спальни, не произнеся ни слова. Потом она упала на колени перед своей кроватью и снова и снова перебирала четки.

Испустив усталый вздох, бабуля Ту поднялась с кресла-качалки. Застонали суставы, заскрипели доски, что удерживали хижину над болотом. Бабуля обняла Луну за осунувшиеся плечи, повела ее к постели, подняла одеяло, помогая Луне пролезть поближе к сестре. Морщинистыми руками она ласково пригладила непослушные пряди девочки.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

– Мне не следовало болтать в твоём присутствии о плавучем городе. Могла бы и догадаться, как поступит такая храбрая девочка как ты, услышав мой рассказ, – сказала бабуля Ту, прицокивая языком. – Пообещай, что больше ты не сбежишь.

Луна кивнула.

– Вот и молодец, – тихо проурчала бабуля. – Твоя мать места себе не находила от страха. Вот и наговорила лишнего.

Луна сморгнула горячие слезы, готовые скатиться по вискам и намочить волосы.

– Это правда, Луна, она не со зла.

Но смысл слов уже не доходил до девочки. Она выдавила слабую улыбку, легла на бок и крепко-крепко обняла Уиллоу.

Луна проснулась в ночи от громкого шепота, доносившегося из общей комнаты. За окном висела луна, такая тонкая, будто упавшая ресничка, ожидающая загаданного желания. Луна сползла с кровати, перешагнула через полосу лунного света, устилавшего пол ковром, и заглянула в трещину ширмы.

– ... слишком жестоко с ней. Сама знаешь, ее вины здесь нет.

Бабуля Ту указывала прямо на маму, рука ее дрожала.

– Просто я... я смотрю на нее и вижу ее отца. Я вижу день, когда он...

Мама что, плачет?

– Я смотрю на нее и думаю только о том, что меня наказывают. Знаю, наказывают. Сначала их отец, теперь Уиллоу...

– Тише-тише.

Голоса стихли, и бабуля Ту проводила маму от стола в спальню. Они уже обе уснули, а Луна все еще стояла там, ковыряя пальцем неровности ширмы и прижавшись лбом к отчужденному дереву.

Утопия

Ута приземлилась на подушку из мха, подняв облако трубчатых цветков вокруг. Падение вышибло весь воздух из легких, и бедняжка не могла ни позвать на помощь, ни докричаться до сестры, которая находилась не далее сотни шагов. Судорожно глотая воздух, Ута перекатилась на живот, встала на четвереньки и принялась ворошить густой мох, высматривая заветный блеск олова.

Паника охватывала разум феечки, от ужаса перехватило дыхание. Не без усилий легкие наконец заглохли кислород. Руки перестали шарить в поисках. Медальон пропал, но если она может дышать, то сможет и бежать. А если она побежит, то, возможно, успеет добраться до портала до того, как его закроют и запечатают, и тем самым путь в другой мир ей отрежут навсегда.

Ута спрыгнула с мшистой подушки. Едва ее ноги коснулись земли, раздался третий звонок. Она бежала, молотила руками воздух и гулко стучала саднившими ступнями. Она уже видела портал через ветви деревьев, широко распахнутый, он только сейчас начал сворачиваться. Ей даже почудилось, что впереди в дымке стоит та, чей облик в точности повторяет ее саму, и чье сердце бьется в унисон с ее сердцем. – Кея! – выпалила она.

Но силуэт безмолвствовал. Голова его упала в ладони, а крошечные плечи затряслись.

– Кея!

Ута бросилась к сестре, но портал был быстрее.

Она не остановила бег, когда висевшая в воздухе дверь закрылась и края обожгло пламенем, запечатывая пространство между двумя мирами. В следующий миг портал исчез, как и все, кто им воспользовался. Ута рухнула в грязь рядом с едва заметной полоской пепла. И лишь туманная рябь выдавала, что на этом самом месте творили волшебство, чтобы перебраться из одного мира в другой.

Луна

Луна свесилась за перила хижины, подперев ладонью подбородок. Время от времени легкий ветерок кружил упавшие листья и пыльцу над черной мутью и уныло стучал плоскодонкой по сваям. Лодка пошатывалась то влево, то вправо, собирая на себя паутину; один или два отважных паучка раскинули свои шелковые нити от пристроенного на носу оберега до широкой кормы.

А дома бабуля Ту раскачивала свое кресло-качалку взад и вперед, взад и вперед, да так медленно, что можно было усыпить даже самого беспокойного сорванца. Ее взгляд не покидал пустого угла комнаты, на коленях лежали лунные карты, в них она аккуратно обвела день, до которого оставалось менее двух недель – праздник Перигея.

Луна присела у кровати Уиллоу, желая, чтобы сестра проснулась, проснулась целой и невредимой. Но веки Уиллоу были неподвижны, и только слабое движение одеяла давало понять, что она еще дышит. Тем утром мама спозаранку отправилась в молельню обуздывать свой вызванный страхом гнев, где он не будет карать, подобно кнуту, и бить по и без того смиренной спине Луны.

Уиллоу хныкала во сне, будто ее тело становилось слишком тяжелой ношей. Теперь ее беспокоили малейшие пустяки, ее – никогда ранее не знавшую жалобных слов. Если Луна убирала занавески, впуская свежий воздух в спальню, ветер доводил Уиллоу до дрожи. Если Луна говорила слишком громко или была взволнована, голова Уиллоу раскачивалась, боль сдавливала глаза. А когда они спали, Луне никак не удавалось лежать достаточно спокойно, чтобы не раскачивать матрас и не будить сестру.

С болота в окно залетел чей-то крик, и Уиллоу захлопала ресницами. Она с усилием раскинула руки, и зажмурилась от яркого света. Ее губы расплылись в улыбке при виде Луны, которая метнулась поближе к сестре, затеняя ее глаза.

– Где ты вчера была? – спросила Уиллоу сонным голосом.

Луна поднесла ко рту сестры чашку с водой.

– Мы с Бенни ездили в город на озере.

– Правда? – Уиллоу вздрагивала и морщилась при каждом глотке. – Но ведь бабуля Ту собиралась нас обеих туда отвезти. Речи не было о том, чтобы ты уехала без меня.

– Знаю-знаю, прости меня, Уиллоу. Такого бы не произошло, будь ты здорова. Я уезжала за помощью для тебя.

– Мама была в бешенстве.

– Да уж, я поняла.

Пусть мама и дальше бесится. Луна, не задумываясь, уедет снова. Она готова пойти и на гораздо более серьезный риск, если появится хоть малейшая возможность спасти Уиллоу.

– Луна, – позвала Уиллоу, не глядя на сестру, – а ты нашла что-нибудь... какое-нибудь лекарство?

На окно села муха и, пытаясь выбраться, стала биться о занавески снова и снова. Луна отрицательно дернула головой.

– Но я еще не закончила поиски. Я не сдалась.

– Я бы очень хотела погулять с тобой. – Веки Уиллоу опустились. – Расскажи, что ты сегодня видела на улице. Расскажи мне обо всем.

– Резкий порыв ветра разбросал над болотом тысячи цветков шореи. Я наблюдала, как строй муравьев стащил целую лепешку, по кусочку за рейд, пока мама и тетя Бенни спорили, по чьему рецепту будут печь кокосовый пирог для Перигея. – Луна засмеялась ради Уиллоу, однако, смех прозвучал наиграно, фальшиво.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

– А еще я видела противостояние двух белок. Они глазели друг на друга будто сейчас развернется бой. Потом одна из них прыгнула вверх, а другая рванула следом. А через десять минут они снова играли в гляделки под тем же самым деревом, повторяя все заново.

Уиллоу тихо засмеялась, вяло качая головой на подушке. Щеки ее ввалились, уголки глаз опустились, глаза закрылись. Смех Уиллоу притупил рваные края зияющей вины Луны, ее тоски, но открыл свежую рану – понимание, что совсем скоро этот смех навсегда исчезнет из ее жизни.

Луна понимала, что надо дать Уиллоу поспать, но им двоим осталось так мало времени. Слишком мало. Всего времени мира для них мало. Луна знала, ей следовало бы уйти, чтобы не беспокоить сестру. Но вместо этого она подалась вперед.

– Уиллоу?

– А?..

– Я не хотела окунать тебя. Мне очень, очень... – голос дрогнул, и Луна, зажмурившись, сглотнула, – ...очень жаль.

Уиллоу с трудом снова открыла глаза.

– Это не твоя вина, Луна. Не твоя.

За окном от порыва ветра застонали деревья.

– Обещаю, что не сдамся, – прошептала Луна. – Я буду и дальше искать способ тебе помочь. – И она разгладила одеяло на плечах Уиллоу.

Луна не боялась заболеть. Не боялась она и бросить свое судно в стремнину вверх по реке. Но жизнь без Уиллоу... даже вообразить жизнь, где ее сестра не поправится... этот страх хватал Луну за горло и швырял оземь, так водяная ящерица расправляется со своей добычей.

Спотыкаясь, она выбежала наружу, ноги соскальзывали на шатких мостиках, которые теперь ходили ходуном. Она взбежала на холм, повернула к джунглям и окунулась в стрекотание насекомых и щебетание птиц. Густой лес приглушил солнце и уронил росу на плечи, волосы и щеки девочки, а росинки смешались со слезами, что скользили к подбородку и стекали на рубашку.

Луна

Так прошла неделя – неделя, наполненная скорбью и сожалением. Наверное, мама избегала отражения горя и вины в глазах Луны, а, может, сама настолько слилась со своим горем и отчаянием, что вовсе не замечала старшую дочь – словно чужие, они молчали и избегали взглядов друг друга.

Когда-то все было иначе. Так бабуля Ту рассказывала. Пока папа был жив, мама с утра пораньше спешила выйти на воду быстрее всей деревни, энергично расцеловывала семью, а потом подхватывала одну из дочек и кружила ее высоко-высоко, пока смех малюток не разносился по болоту колокольным звоном.

Но скорбь сковывает тело и дух, запечатывает щели, через которые могли бы пробиться лучи исцеляющего света. С тех пор мама все чаще и чаще ходит в молельню на холме, а дома большую часть времени проводит в религиозном уединении, предаваясь тихим сожалениям.

Облегчить страдания больному было не так-то просто, но кое-что все-таки помогало. Поэтому, стоило Уиллоу прикорнуть, как Луна на цыпочках вышла из дома. Она миновала хижину Бенни, школу, молельню, в которую мать отправилась еще до рассвета, потом прошла по длинному мосту, ведущему от жилых домов к огородам.

Поднимаясь по извилистому пути к вершине холма, Луна поглаживала макушки кустов папоротника, что росли вдоль всей дороги и щекотали голени девочки при каждом шаге. Одинокая бабочка выпорхнула из чащи и устроилась в цветнике из орхидей, в котором туда-сюда сновали рабочие пчелы.

На вершине холма Луна открыла калитку, потом закрыла ее за собой и только потом осторожно прошла между аккуратными грядками. На другой стороне дядя Тин стоял на коленях перед цветущими огурцами и нежно подталкивал вьющиеся усики к опорной решетке.

– Доброе утро, дядя Тин, – поздоровалась Луна, присаживаясь рядом с ним и погружая пальцы в теплый черный грунт.

– И тебе доброе утро, Луна, – ответил дядя Тин в своей неторопливой манере. – Какие сегодня дела?

– У Уиллоу до сих пор жар, как при лихорадке. А еще, хоть она и не говорит, но постоянно щурится, так что, думаю, у нее сильно болит голова.

Дядя Тин слушал и кивал, просеивая почву сквозь обветренные пальцы.

– И она кривится каждый раз, когда переворачивается, наверно, ей больно даже двигаться.

– Хммм, – протянул дядя Тин. – Жар, головная боль, ломота. Звучит знакомо. – он наклонил голову и грустно улыбнулся Луне.

Конечно, звучит знакомо! С тех пор как растеклось болото, у всех проявлялись одни и те же симптомы. И всегда три недели. То же безнадежное медленное угасание. Луна уставилась на жука, который пробивался через взрылленную почву. Кусок земли под ним обвалился, и он упал на спинку, отчаянно молотя ножками, чтобы снова перевернуться и встретить все тяготы мира панцирем наружу.

– Значит, пиретрум девичий, правильно? Помогает от жара, да? А базилик от ломоты? А перечная мята от головной боли?

– Вот это да! Ты быстро учишься. – дядя Тин отряхнул руки и схватил отполированную рукоятку прогулочной трости. – Давай прогуляемся к травнику, проверим, не упустил ли я чего.

Луна помогла двоюродному дедушке подняться и дойти до садового сарая, где он хранил книгу с описанием лекарственных растений. Внутри сарая стоял небольшой столик весь

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

установленный баночками с пророщенными семенами и катушками бечевки. В углу громоздились совки и лопаты, а вдоль стен до самого потолка тянулись пыльные полки.

Дядя Тин аккуратно листал странички.

– Уже семь поколений эта книга передается по наследству в нашей семье. В ней собраны советы по уходу за огородом и наставления как обращаться с джунглями. В ней есть заметки как избежать гнева фей, когда те еще жили с нами бок о бок, разумеется. А на обороте даже сохранилось немного сведений о магии маленького народца, – добавил он, ослабившись, – если ты, конечно, в такое веришь.

– В магию? И в чем заключается эта магия?

– Ох, даже не знаю. Об этом можно узнать лишь у самих фей. А уже давно никто их не видел, разве что тень, да и то вряд ли.

– Если ты их никогда не видел, откуда ты знаешь, что они вообще существовали?

– Просто знаю. Раньше ты просто чувствовал всем телом, что они рядом и заботятся о земле, по которой ты ходишь. Как бы то ни было, стало намного тише без шуршания крохотных ножек в облаках. И порой, кажется, даже джунглям одиноко. А что я? Я просто ухаживаю за своим огородом. Но некоторые обладатели этой книги знали многое о феях и их укладе. Возможно, если бы мы больше знали о них, они бы не ушли от нас. Возможно, хотя я не могу сказать наверняка, но...

– Что такое, дядя Тин?

– Возможно, они бы смогли помочь твоей сестре.

Луна постеснялась сказать ему, что он несет откровенную чушь. Она не хотела обидеть дядю.

– Нам просто надо было уехать отсюда.

– Ох, несколько семей пыталось, когда болезнь впервые обрушилась на нашу деревню. Но всегда им что-то мешало, и они возвращались обратно.

Луна шаркнула ногой по грязному полу и пнула ножки рабочего столика. Плечи и голову девочки окатило пыльным душем. Она чихнула и пнула стол еще раз на всякий случай.

– Да пожалуйста, пусть эти глупые феи забирают себе свое глупое болото.

Дядя Тин тихо усмехнулся.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, Луна. И даже если поначалу тебе сложно это представить, у всего есть смысл. И даже у болота, из-за которого твоя сестра больна. Болотная соль насыщает нашу почву. Растущие вдоль болота цветы приманивают оленков и рабочих пчел. Знаю, это трудно, но когда-нибудь ты поймешь... нет в мире абсолютного зла или абсолютного добра.

Сквозняк в сарае, казалось, свистел Луне в уши, а по линии волос выступил пот. Она взяла травы и попятилась к выходу.

– Ясно, спасибо, дядя Тин.

Магия. Ну, уж нет.

Луна залила травы кипятком и отставила свистящий чайник в сторону. Зажав чашку в ладонях, она наблюдала как в тягучем танце распускаются листья и цветы, а запах мяты в клубах пара омывал ей лицо.

Тук, тук, тук.

Бенни тарачился через дверную сетку от насекомых, завидев Луну он энергично ей помахал:

– Эй, привет!

– *Тише.* Иначе ты всех разбудишь.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Для убедительности она мотнула головой в сторону кровати Уиллоу и кресла-качалки, в котором бабуля Ту спала с широко открытым ртом – и как туда не залетел целый рой мух?

– Тебе пора бежать отсюда, Луна. Ты хоть солнечный свет видела на этой неделе?

– Мне некогда.

– Да ну?

– Я не могу слоняться без дела с тобой, когда у Уиллоу даже не хватает сил пошевелить мизинцем.

Но Бенни был прав. Луна скучала по ощущениям, когда в руках лодочный шест, а под ногами шершавое дно лодки. Она скучала по смеху. Она скучала по поводам, из-за которых можно посмеяться.

– Я тебе вот что скажу: если бы Уиллоу могла тебя пропесочить, то она бы отругала тебя за хандру и выгнала бы из этого лазарета.

Луна скрестила на груди руки.

– Не упрячься. Ты и сама знаешь, что она бы не хотела тебя видеть такой занудой.

Луна вздохнула.

– Ладно. – она проскользнула через дверную сетку и встала рядом с Бенни на крыльце. – А это еще что?

– Фейерверк для Уиллоу, что же еще! Перигей на следующей неделе, и я хочу установить несколько ракет так, чтобы она смогла увидеть их полет из окна.

Луна потерла глаза. Перигей? Так быстро? Срок болезни Уиллоу всего три недели, и одна уже прошла – девочка загнула пальцы, подсчитывая дни, – даже полторы. С трудом она проглотила ком в горле. Ее сестра совсем ненадолго переживет праздник.

– Хорошо, но я не хочу долго отсутствовать. Как тебе помочь?

– Возьми лодку и отправляйся к центру болота. А я буду стоять возле окна Уиллоу, чтобы понять, что она может увидеть, а что нет. – Бенни впихнул Луне буй и тяжелый мешок, обвязанный тросом. – Когда доплывешь места, откуда я буду тебя видеть, брось это в болото, и я буду знать, где потом установить фейерверки.

Пока Бенни обходил хижину, Луна спустилась по лестнице, ступила в лодку, ловким движением развязала ее и оттолкнула. Очень приятно было вновь ощутить знакомое дно под ногами, почувствовать, как напрягаются мышцы ног, сохраняя равновесие. Она вонзила шест в грязь и направилась к цели.

Отплыв уже достаточно далеко от домиков и низких мостиков, она медленно развернулась и помахала Бенни. Она подняла высоко свой шест, а Бенни нагигался до тех пор, пока линия его взгляда не совпала с уровнем подоконника.

– Левее, левее, – беззвучно шевелил губами мальчик, размахивая рукой над головой. – Нет... слишком далеко... немного назад! – рука его дернулась в другом направлении. – Да там... бросай!

Луна погрузила набитый камнями мешок в воду и отсчитывала секунды, пока он не ударился о дно. К тросу мешка, который она все это время держала в руках, девочка крепко привязала буй.

Бенни радостно вскрикнул и тут же шлепнул себя ладонью по губам.

Опираясь подбородком о верхушку шеста, Луна разглядывала болото, ряды покачивающихся камышей и наполовину утопленные деревья. Когда-то здесь текла река. Так говорит бабуля Ту. И, возможно, когда тут не было болота, то не было и болезни.

Луна не спеша плыла вдоль деревьев под мостиками, распутывая нить своих мыслей как моток пряжи, пока наконец не пришло какое-то понимание.

– Мы справились! – прошептал Бенни, когда лодка стукнулась о сваи.

– А то. – Луна завязала узел и забралась на крыльцо. – Только я никак не пойму, как мне удерживать лодку на одном месте и не попасть под твои фейерверки.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Бенни рассмеялся, отгоняя всплывший образ, как назойливую муху.

– Глупости! Это будет самое грандиозное зрелище в твоей жизни!

Луна ухмыльнулась. В одном Бенни был прав – Уиллоу обязательно понравится.

– Мне надо поговорить с бабулей Ту. Еще увидимся?

Бенни кивнул и направился к мостику, ведущему к его хижине.

– Завтра я вернусь, и мы пойдем гулять, даже если мне придется вытаскивать тебя силой.

– Силенок не хватит, – парировала Луна через плечо.

Однако, вернувшись домой, она ощутила, что на душе стало легче, чего уже давно не было, а уголки губ подергивает улыбкой. Она взяла чашку с остывшим крепко заваренным чаем и поставила ее у изголовья кровати Уиллоу.

– Бабуля Ту, – тихо позвала Луна, на цыпочках покинув спальню.

– Что, дорогая?

– А ты помнишь день, когда река изменилась?

– Конечно, помню.

Бабуля Ту сделала глубокий вдох через рот, наполняя легкие воздухом, чтобы хватило на целую сказку. Луна уселась на полу у ног бабушки.

– Это был самый лучший Перигей, который довелось увидеть этим лесам. Столы ломились от сладостей – банановые пироги с крошкой, саговые рулеты, кокосовые сухари – чего только не было. А накануне мама поручила мне взбивать сливки так долго, что я думала, мои руки в конце концов отвалятся. На небе ни облачка, воздух прозрачный, листики непринужденно плясали на ветвях. И луна, разумеется, висела огромная и белая, как свеженакрахмаленный хлопок. Играла музыка, проходили состязания в скорости и гремели фейерверки. Ярко-красные и золотисто-желтые водопады огней падали с небес с таким шумом, что, казалось, вокруг нас валят деревья.

Взгляд бабули Ту помутнел, и она запнулась, будто ее память отправилась бродить по давно забытым местам.

– Потом послышался звук, словно в деревьях зазвенели колокола. Земля затряслась под ногами, и что ты думаешь – деревья действительно начали падать. Мы побежали на холм и оттуда смотрели, как высокие деревья шореи с грохотом рушились в нашу любимую чистую реку.

Бабуля Ту подошла к окну, откуда можно было увидеть болото.

– Мама сказала, что земля просто не выдержала. Что никогда не было Перигея лучше, и даже почва об этом знала.

Напряженность лица бабушки спала. А когда она продолжила, голос зазвучал тише и в нем послышалась дрожь.

– Наша река была очень красивой, она блестела на солнце и разливалась вдоль лугов. Если встать на колени у берега, можно было увидеть устланное камешками дно. Можно было окунуть лицо и пить, пить, пить... Но сейчас, – бабуля Ту затрясла головой, – здесь только топь, ил и пузыри грязи. – Она отвернулась от окна и посмотрела на бледное, истекающее потом личико Уиллоу. – Неудивительно, что болото принесло болезнь.

Утопия

Ута металась между деревьями, где был портал, где воздух все еще дрожал от магии, где феи прыгали в тот новый мир.

Взяв себя в руки, Ута проковыляла к мшистой насыпи, на которую недавно приземлилась. Она понятия не имела, сработает ли медальон на столь большом расстоянии. Не знала она, сможет ли Кея позвать ее из нового места, где бы оно ни было. Но ей оставалось только надеяться. Она должна надеяться.

На четвереньках она прощупывала мох, на этот раз тщательно обыскивая квадрат за квадратом. Не заметив даже слабейшего металлического блеска, она сглотнула накативший ком паники и расширила зону поиска. Не исключено, что разорванная цепочка закинула медальон гораздо дальше, чем она думала.

Ута бросалась из стороны в сторону, искала, а страх, точно избыток желчи, скапливался внутри нее. Несмотря на исцарапанные руки и ноги, она снова забралась на дерево, невысоко, в надежде углядеть что-нибудь сверху. Висела полная луна, но тени росли, сливаясь одна в другую. Неужели уже наступила ночь?

Уныло стрекотали сверчки, а в небеса взлетали россыпи огней, озаряя дорогу Уты алым и золотым – люди праздновали. Споткнувшись на берегу реки, Ута упала, позволила реке поглотить ее измученное тельце и отдалась на милость течения, чтобы прохладная чистая вода залечила раны и души и тела.

Ни матери. Ни дядюшек и тетюшек. Ни бабушек и дедушек. Ни сестры, в которой билось сердце-близнец, вторя ее собственному. Слышала ли Кея эхо стука в неведомой дали? Ута приложила руку к груди и закрыла глаза.

Тук тук.

Тук тук.

Тишина. Боль Уты вырывалась из глотки, точно дикий зверь. Неосознанно она призвала грубую непредсказуемую магию, которую феи уже давно избегали. Магия напиталась скорбью и обрушилась на все вокруг в пределах досягаемости. Она повалила деревья прямо в реку, нагромождая их одно на другое и перемалывая застревающие между стволами листья.

Река вздыбилась и выползла из берегов, шевеля закрытые корни деревьев и подгребая под себя мшистые подушки, где еще утром резвились лесные феи. Течение замедлилось, пока и вовсе не остановилось, а воды яростно забурлили и поглотили луг.

И вот, сваленные деревья перекрывают течение. И вот, драгоценная речушка Уты превращается во что-то непознанное.

Ута осталась одна.

Она потерялась.

А медальон – единственное, что могло вернуть ее к Кее, – бесследно исчез.

Луна

Луна глубоко вдохнула сырой болотный воздух и шумно выдохнула во всю силу своих легких. Казалось, даже воздух потяжелел от скорби.

Каждая клеточка ее тела жаждала выйти из дома и *действовать*. Но знание, что болото болело, и понимание, как все исправить были совершенно разными вещами. Затаив дыхание, мягко ступая, Луна подошла к постели Уиллоу. Положив шахматную доску на кровать, она легла рядом и, поддерживая подборок рукой, уставилась на сестренку.

– Я еще не видела маму сегодня, – произнесла Уиллоу.

– Она ушла утром. Поцеловала тебя в лоб и приготовила супчик. И ты же знаешь, она непрерывно молится о тебе в молельне.

– Она все еще на тебя злится?

– Она считает меня безрассудной. – Луна пожала плечами. – Наверно, она права.

Луна щелкала деревянными шахматами, зажатыми в кулаке, подгоняя ритм щелчков под ход своих мыслей.

– Я знаю, она хочет, чтобы тогда заразилась я, а не ты.

Она почувствовала облегчение выпустив эти слова на волю, точно рыбацкая сеть шлепнулась на воду и начала медленно погружаться. Уиллоу хотела возразить, но Луна покачала головой:

– Все нормально, я тоже этого хочу. Каждый день я мечтаю о том, чтобы в тот злосчастный день затопило мою сторону лодки, а не твою.

– А я этого не хочу, – сказала Уиллоу, голос ее дрожал. – Лучше бы это миновало нас обеих. – она сжала руку Луны, пока та не отважилась посмотреть ей в глаза. – Мама, может, и не видит сейчас полной картины из-за своей печали, но ты ей очень понадобишься, когда...

– Замолчи, – перебила Луна и спрыгнула с кровати. Шахматная доска упала на пол. – Даже не вздумай говорить об *этом*. Этого не случится. Я *не позволю* этому случиться.

Луна бросила зажатые в кулаке шахматы о стену и выбежала из комнаты, а затем и из хижины. Подвесной мостик под ней ходил ходуном. Внизу пузырилась грязь, в глазах мельтешили звезды, Луна врезалась в ограждение, если бы не оно, то девочка упала бы в болото. Перила впились ей в ребра, резко выгнав почти весь воздух из легких.

Дурацкое болото вытягивает из Уиллоу жизнь. И даже если оно само заражено, как Луна может это исправить? Как можно победить что-то столь огромное и настолько заразное, что нельзя даже прикоснуться?

– Бенни! – позвала Луна. Дверь на другом конце мостика распахнулась и из нее вышел Бенни, волосы его были взъерошены, словно он только что вылез из постели.

– Привет, Лу... эй, ты что творишь? Ты же сейчас свалишься в болото!

Луна не пошевелилась, и Бенни вышел на крыльцо.

– Луна, прекрати истерику. Я серьезно!

Пошатываясь, она выпрямилась одним рывком. Взгляды их встретились, и они долго смотрели друг на друга. Бенни ничего не спросил. А Луне и не пришлось говорить, что она чувствовала, будто мир рушится у нее под ногами.

– Мама приготовила жареную рыбу и рисовые шарики, а на десерт тамариндовый пирог, – осторожно произнес Бенни. – Хочешь?

Луна кивнула, и он нырнул обратно в хижину. Через минуту он вернулся с полдюжиной тарелок в руках. Ребята уселись прямо там, на дорожке между их домами. Легкий ветерок покачивал мостик, и они сидели, свесив ноги.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Жевали они молча, поглядывая на болотную воронку внизу. Водяная ящерица соскользнула с бревна, видны остались только щелочки ноздрей и круглые безумные глаза. Резкое движение хвостом, и она нырнула, и лишь рябь на поверхности напоминала, что там кто-то был.

Бенни поежился и поднял ноги на мостик. Вывернув карманы, он сбросил камушки на деревянный настил.

– Я много думала, – призналась Луна. Она встала, подхватив длинную палку, которой по одному отправляла камешки в полет, целясь в выпуклую луну, уже заметную на послеполуденном небе. От мастерских ударов камешки летели над болотом. – Помнишь, что сказала знахарка о... о том, что болото проклято?

– Ммм-хмм, – промычал Бенни, щелкая по камушкам и наблюдая, как они плюхаются в топь, оставляя за собой небольшие круги.

– Все говорят, что болото проклято, но сегодня бабуля Ту рассказала другую историю. Она объяснила, что река больна так же, как и Уиллоу. Я не знаю, как поступают с проклятием. Но я могу попытаться вылечить болото.

Бенни прикусил уголок рта и произнес:

– Когда мы плыли по реке, нас постоянно сопровождало течение. Вода не стояла на месте, и не могла ни помочь, ни навредить.

– Вот именно, – подтвердила Луна. – Если бы не насыпь, то застойный ил давно бы уже вымылся в общем потоке далеко-далеко отсюда.

Луна задумчиво постучала палкой по голове.

– Что? – спросил Бенни. – В чем дело?

– Давай просто избавимся от нее.

– От чего? От насыпи? И как это мы своими силами сможем уничтожить насыпь? А что если нас поймают? Папка только начал меня снова выпускать на улицу. Есть место, куда я определенно не намерен лезть – и это то самое место под насыпью. И ты туда тоже не сунешься!

– Я пока в раздумьях, – ответила Луна. Она медленно повернулась, продолжая себя постукивать.

– Это заметно.

Луна сменила направление и начала поворачиваться в другую сторону.

– Нам нужно как-нибудь убрать тину из-под насыпи. И если мы копнем поглубже, то вода начнет понемногу просачиваться.

– Ага, и потом как просочится прямо нам на головы, – фыркнул Бенни и ударил по палке Луны. Палка выпала из рук и кружилась, пока не достигла поверхности воды. – А потом мы по шею погрязнем в болотной жиже, и если хотя бы язык намочим, тоже заболеем. А разве мы сможем помочь Уиллоу, если сами будем прикованы к постели? А вдруг какое-нибудь дерево выбьется из ограда и свалится прямо на нас? Ни за что! Слишком рискованно.

Луна перестала кружиться, и ее хрупкая фигурка обмякла рядом с Бенни.

– А что если вместе с зараженной водой уйдет и болезнь Уиллоу?

Бенни резко поднялся на ноги, отчего мостик зашатало в разные стороны.

– Погоди-погоди... А если когда прорвет насыпь и хлынет грязюка, нас там не будет. Что если что-нибудь другое ослабит плотину, а мы в это время будем далеко-далеко, высоко на берегу.

– Что-нибудь другое?

Брови Бенни несколько раз подпрыгнули.

– Какой-нибудь маленький взрывчик...

– А это, по-твоему, легко сойдет нам с рук?

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

– Я просто скажу, что репетировал кое-что для праздника. Мы воткнем ракеты в ил, подождем их одновременно, и они пробьют дырочки в насыпи. А вода из маленьких дырочек сделает огромную дырень.

– Ты псих, – подытожила Луна.

– То есть, изумительный план!

– Ладно, но как нам поджечь фитили и успеть быстро и безболезненно убраться?

– По сути, нам светят проблемы только в случае провала, – объяснил Бенни со зловещей усмешкой. – В случае успеха вся мерзкая жижа стечет вниз по течению, и мы станем героями! И ты права... возможно, и Уиилоу поправится.

– Ты всерьез полагаешь, что пары ракет достаточно, чтобы разрушить насыпь?

– Для запасного плана я прихвачу вертушки и огненные шары, оставленные для праздника. – Бенни пожал плечами. – По крайней мере, надо попытаться, а не просто сидеть и смотреть, как Уиллоу чахнет.

Луна кивнула.

– Завтра. В обед встречаемся под плотиной. И не забудь свои ракеты.

Утопия

Поначалу Ута боялась отходить далеко от того места, где совсем недавно был портал, она боялась, что он вдруг откроется, и она не успеет проскочить к своим.

Но он так и не открылся.

Она возвращалась к нему каждый день, пока воды не покрылись разным мусором, а мшистые лужайки со всей живностью не оказались погребенными под илом и грязью. Ута просила и рыбок, и лягушек, и сцинков помочь ей с поисками утерянного, просеять слои жижи, ила и прочесать сваленные деревья. Но медальон так и не нашли.

В конце концов Ута потеряла надежду. И пустоту внутри нее сменила горькая тоска.

Прибывающая вода смывала с корней деревьев грунт и вековые стволы шорей с низкими ветвями один за другим с треском рушились в болото. Шли недели, месяцы, насыпь росла, деревья сами утрамбовывались в прочную стену. На место шорей пришли альстонии с высокими коленями; непостижимым образом семена этих деревьев сами прилетели на запах болота с попутными ветрами и усеяли берег застывшей заводи.

Жители деревни могли уйти. Вольны были покинуть свои дома и отправиться вверх по реке или через холм в поисках нового жилья и пустить корни на сухой высокой земле. Но большинство не сдвинулось с места. Они остались там, где жили их деды, в домах, в которых еще дедушки их дедушек впервые повалили дерево, вырезали из него лодку и освоили стремительное течение.

Иногда Ута наблюдала за яростной борьбой людей с болотом, люди изо всех сил старались удержать жилища над все прибывающей водой, они пробовали выбить бревна и тем самым, ослабив плотину, восстановить течение реки. Ничего не выходило, и вскоре они перестали пробовать вновь. Утопия думала, что близость других существ поможет хоть как-то ее утешить, но она ошиблась.

Ее одиночество только становилось острее.

Будь Кея рядом, Ута бы прыгала на густеющих водорослях и бороздила жижу, затопившую луга и деревья. Будь Кея рядом, Ута бы радовалась каждому новому крылатому зверю, жужжащему над топью. Но Кеи рядом не было.

Друзья пытались подбодрить ее, вовлечь в свои игры, как это случалось раньше. Но вскоре и они оставили попытки. Когда первая змея проскользнула в болото, Ута едва ли обратила на нее внимание. Когда кольца мха срослись в цепь, она всего лишь на мгновение остановилась, чтобы запустить пальцы в бархатные звенья. Все свое время она болтала ногами в воде и пялилась на пустое пространство, где когда-то висел портал. Она сидела так долго, что и сама могла обрасти мхом.

Настало дождливое время, болото набухало, растягивалось во все стороны, пока уже некуда стало ползти, пока русло реки не загустилось камышами, а в каждую расселину не затекла болотная жижа. А вокруг распускались почки и бутоны, делая первые вдохи в сыром воздухе захваченной реки. А вокруг рвалась на волю новая жизнь, но от этого Ута лишь сильнее ощущала горечь потери.

Засушливые месяцы принесли сухие горячие ветра, а Ута все еще страдала от одиночества. Жара иссушила камыши и погрузила клыкастых лягушек в долгую спячку на заиленном дне.

Каждая смена времен года больно жалила Утопию.

Прошел год, тоска загнала ее в воду, где прохлада ласкала ей кожу, и откуда она видела джунгли и то самое место, где когда-то был портал.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Еще через год обрамляющие портал деревья трескуче наклонились, не способные удержаться корнями в текучей грязюке, и плюхнулись в болото одно за другим.

Ута погрузилась глубже, куда еще проникали теплые переливчатые лучи солнца, где она могла поспать и в тени, если надо было скрыться от любопытных глаз. Там она скользила возле самой поверхности, наблюдая за проплывающими облаками, через рябь над головой следила за метаморфозами мира.

Ута перестала выбираться на воздух, перестала слушать брызги волн о камни. Больше не гоняла она на кораблицах из листьев, не плясала подводных танцев с речными черепахами и резвыми лягушками.

Все померкло, потускнело.

Все пустое... без Кеи...

Луна

Второе мамино правило гласило: *не спускаться за насыпь.*

Луна понимала, это не было пустой прихотью. Хаотично наваленные бревна с налипшим илом сдерживали водную стену. Упади хоть один сучок – и строение завалит сухое русло реки вниз, а заодно и того глупца, что осмелится стоять на пути. А если кто-то намеренно ослабит строение?.. Что ж...

Посвистывая, Бенни прохаживался в камышовых зарослях на берегу болота. Размахивая палкой как мечом, он разорял муравейники и сбивал кисточки рослых травинок.

– Привет, Бенни.

– Привет. Готова?

Луна сглотнула:

– Ага.

Она следила, чтобы никто их не заметил, а Бенни в это время спрыгнул к пересохшему руслу и, оперев руки в бока, изучал нависавшую над ним плотину. На первый взгляд там обитали в основном мусор, ил, грязь, а также камни и палки.

– Кажется, по краям и внизу более толстый слой грязи, – произнес Бенни, обводя рукой круг. – Думаю, ракеты установим здесь, прямо в центре.

– Ты же у нас спец по фейерверкам.

Орудую палкой, Бенни выкапывал комья дерна и в образовавшиеся лунки клином втискивал ракеты, пока на поверхности не остались видны только скрученные фитильки, склонившиеся к земле. Все пять зарядов теперь ожидали в самом сердце плотины. Когда довольной ухмылкой Бенни подтвердил, что все бомбочки на местах, Луна прыгнула с края некогда речного берега. Нога соскользнула, и она упала на каменное дно высохшего русла.

Бенни отряхнул руки и помог подруге подняться.

– Ты слишком волнуешься, Луна. Не бойся.

Она замахала головой, сжав губы в тонкую белую ниточку:

– Вовсе не боюсь я.

– Глянь, тут все просто. Берешь спички и поджигаешь эти два, что ближе к берегу. Я зажгу те три с другой стороны и побегу следом за тобой.

– Почему ты рискуешь больше? Это же из-за моя сестра болеет. И моя вина, что мы вообще затеяли весь этот сыр-бор.

– Да ну? Во-первых, это мои фейерверки, а во-вторых, теперь моя очередь на бездумные поступки, – ответил Бенни, подмигнув.

Руки Луны дрожали, совсем немного, но достаточно, чтобы тряслись и розовые спичечные головки. Она стояла перед своими двумя фитильками и ждала Бенни. Мальчик приподнял бровь и пожал плечами.

– Будь что будет, – произнес он и чиркнул первой спичкой. Луна зажгла свою. Сложив ладонь домиком вокруг пламени, она поднесла его к фитилю.

– Давай же, давай, давай, – шептала она.

Пламя заплясало вокруг, защекотало со всех сторон скрученную веревочку, и вскоре просочился тонкий дымок, и нити приняли огонь. В ноздри ударил запах жженого перца – это догорала спичка, обжигая пальцы Луны, и чтобы затушить огонь, девочка принялась иступленно трясти спичкой, перепрыгивая с ноги на ногу.

Охваченный пламенем фитиль похрустывал, все ближе припадая к земле. Луна чиркнула второй спичкой. Рядом послышались шипения еще двух фитилей, Бенни справлялся быстрее.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

– Давай, давай, давай же, – снова зашептала она, пытаясь зажечь второй снаряд. Фитиль разгорелся, и Луна метнула взгляд на Бенни. Он улыбнулся в ответ и погасил последнюю спичку.

– Бежим! – скомандовал Бенни и ринулся к берегу.

Луна побежала. Вскарабкавшись наверх, она рванула к деревьям. Она оглянулась лишь единожды, как раз вовремя, чтобы заметить догорающие фитильки и довольную физиономию Бенни, возвышающуюся над берегом. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как из под его ног вылетел камень и мальчик, пытаясь ухватиться за что-нибудь, упал обратно в пересохшее русло.

От резкой остановки Луну занесло.

– Бенни!

БАМ! БАМ БАМ БУУУУМ!

Луна закрыла голову руками, закрываясь от разлетающихся камней и комьев земли. Поток грязи ударил по плотине, и у ее основания что-то загромыхало, загремело так, словно огромные валуны бились друг о друга.

А потом все стихло.

Луна рванула к берегу. Бенни нигде не было видно. Все покрылось толстым слоем жижи. Плотина стояла, несмотря на пять размером с крабовые ловушки выбоин, исказивших ее поверхность. Луна свесилась с обрыва.

В голове гудело. На руках саднили царапины. Вдалеке слышались крики, люди бежали к ней, призывая скорее убраться оттуда, подальше от русла реки.

Над ней скрипнула плотина, будто пыталась найти новую точку опоры, будто вода начала особо упорно пробиваться через ослабленные места.

– Бенни!

Луна окунула руки в жижу в надежде наткнуться на что-нибудь твердое.

– Бенни! – крикнула она снова, хотя услышала только приглушенный звук, как если бы уши заткнули ватой. Она искала на ощупь в густом иле ногу или руку – хоть что-нибудь. Девочка поскользнулась и приземлилась на что-то жесткое и извивающееся.

– Бенни! – завопила она, выпрямляясь и хватаясь за ерзающее тело. Потянув, она вытащила кисть из жижи, потом локоть и плечо, а затем появилось отплеывающееся грязное лицо. Луна тянула, пока Бенни не сел прямо. Она вытерла ему нос, губы, приподняла его, подталкивая, помогла ему забраться на берег и, тяжело дыша, залезла следом.

Бенни стоял на четвереньках, кашляя и сплевывая, и Луна подумала, что никогда не слышала более приятного звука. Он откашливался, и вскоре земля перед ним покрылась густыми липким лужицами.

Бенни сел, наклонившись к Луне. Он посмотрел вниз на плотину, все еще колеблющуюся и грохочущую, но все еще сдерживающую болото. Потом взглянул на Луну и на вереницу людей, спешащих к ним.

– А вот теперь нам и правда влетит, – произнес он.

Луна засмеялась и обняла его, залепленного грязью.

– В этот раз мы это действительно заслужили.

Бенни засмеялся, но смех быстро превратился в прочищающий легкие кашель. Луна помогла мальчику подняться, и они вместе повернулись к толпе.

– Прости, Бенни, – сказала Луна. – Нам не стоило так рисковать. Ты мог... ты почти...

Бенни остановил ее жестом.

– Мы квиты, – сообщил он, опираясь на девочку. – Обещаю не придумывать больше таких глупостей, если и ты не будешь. Идет?

– Идет.

Утопия

Каждое лето, на близкую луну, Ута возвращалась на поверхность, силой выталкивая себя к тому месту, где был портал, желая и надеясь, что Кее удастся к ней пробиться.

Годы шли, сменяли друг друга, лишь одиночество было неизменным.

Сердце Уты измельчало, печаль превратила его в тоскливый уродливый комок. Стоячая вода поросла водорослями, все меньше и меньше света проникало на глубину. Миновали десятилетия, Ута погружалась в густой ил, пока все вокруг не почернело и не смолкло, подобно ее разбитому почерневшему сердцу.

После стольких лет одиночества, утраты сестры, ее улыбки, ее руки в своей руке, Ута возненавидела звуки смеха и любые напоминания о радости. Рыбка, что резвилась слишком близко, или головастик с недавно выросшими лапками играл слишком весело – всё приводило в ярость, и Ута набрасывалась на жертву раздвоенным языком водной змеи, лишь бы сковать это веселье в тот же миг, не позволять ему нарушить ее страшный покой и пробудить чувства, причиняющие столько боли.

Вот так, с уходящими десятилетиями, Ута превратилась в создание, в котором сама не узнала бы себя, пожелай она посмотреть в отражение чистой прозрачной воды. Она изменилась настолько, что даже если бы Кея оказалась рядом, звук увядшего озлобленного сердца Уты уже не вторил бы ее собственному.

Луна

Луна прошла между хижинами и тихонько постучала в дверь Бенни. Он ответил, с чашкой чая в руках и плотным шарфом вокруг шеи. Капли пота стекали по вискам, лицо пылало.

– Тебе получше?

– Да, – ответил Бенни, выпячивая грудь и заходясь в усиленном кашле. – Ну, почти.

– Ты же не заболел?

– Не, – прошептал он, закатывая глаза. – Просто папке спокойней, когда я накачан лекарствами и укутан как младенец в этой адской жаровне. Как Уиллоу?

Луна покачала головой. Она сглотнула, но отвела не последовало.

– Твой отец спрятал оставшиеся ракеты?

– Ага. Так мне и надо, – пожал плечами Бенни, оттягивая шарф. – Но это должно было сработать. Насыпь должна была развалиться... я слышал, как эти старые бревна трещали и скатывались со своих мест. Ее должно было смыть под корень.

– Хорошо, что этого не случилось. Иначе тебя бы накрыла вся река. Или что? Грязевого болотца тебе показалось мало?

Бенни засмеялся.

– Папка говорит, вероятно, тварь, что таится в иле, удержала плотину от разрушения. Он думает, что если бы болото опять стало рекой, то эту мерзость смыло бы отсюда. А нет болота – нет твари, которая наложила проклятие. И больше нет заразы.

– Больше нет заразы, – повторила Луна.

Луна оставила Бенни и пошла к перилам своей хижины. Опустив подбородок на ладони, она смотрела на болото и ее одиноко дрейфующую лодочку.

Послышалось шарканье шагов по дощатому полу, и рядом на перила опустились бабушкины руки.

– Прости, что напугала тебя, бабуля Ту.

В последнее время Луна только и делала, что извинялась.

– То, что сестра болеет, не дает тебя права себя вот так гробить.

В груди Луны не осталось воздуха, как будто затихли уже последние дуновения горячего ветра в жаркий сезон.

– Я только хотела помочь Уиллоу.

– Мы все хотим, крошечка. Но она слишком больна. И ни ты, ни я, ни кто-либо еще больше ничего не может сделать, только быть рядом с ней в ее последних страданиях.

Луна поджала пальцы на ногах.

– Я просто не могу в это поверить. Не могу это принять.

Бабуля Ту вздохнула, взглядываясь в жижу под ними.

– Я когда-нибудь рассказывала тебе, зачем прицепила оберег на нос плоскодонки? – спросила она, смакуя воспоминания словно густой сироп.

Не отрывая головы от ладоней, Луна повернулась к бабушке.

– Нет, не рассказывала.

– Девчонкой я была очень похожа на тебя. У меня тоже была своя лодка, хотя в те времена вместо болота струилась река, лодки были намного короче и легче управлялись. Вместо шестов у нас были весла, и каждое утро я добывала рыбу для семьи. Младший брат – твой дядя Тин – следовал за мной по пятам, все время вертелся рядом, куда бы я ни пошла. И так часто, как только могла, я сбегала от него. Понимаешь ли, я жаждала приключений. Мальчишка был мне обузой.

– Но ты же любишь дядю Тина!

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Бабуля Ту вздернула брови, соединяя взбороздившие лоб морщины.

– Ты хочешь услышать историю или нет?

Луна кивнула, прикусив губу.

– В день перигея мама весь день работала, так что следить за Тином пришлось мне. Приятного мало. Сначала я делала все, что мне велели. Я позволила ему таскаться за мной, когда играла с друзьями. А в сумерках мы решили устроить соревнование по лазанью на дерево, чего Тин, разумеется, сделать бы не смог. Поэтому я оставила его на земле, пока остальные взбирались выше и выше. Мы хотели увидеть фейерверки на фоне полной луны, взрывающиеся под облаками без портящих вид веток. Тогда это казалось гениальной идеей. Но перед самым началом празднования я взглянула вниз и брата там не было.

Мне открывался сверху широкий обзор, но ни в одном из направлений я не видела Тина. Я запаниковала, не потому что боялась трепки, а потому, что впервые представила себе жизнь без топота его ножек и довольного пухленького личика. Я молниеносно слезла с дерева и побежала.

Я проверила дом, обыскала накрытые столы, забежала на место с установленными ракетами, которые только начали запускать. Но я нигде его не нашла.

Едва ли я различала, что происходит вокруг, темнело быстро, не спасала даже огромная луна. Я побежала к реке. Клянусь, я думала, что сердце вот-вот вырвется у меня из груди. Когда я приблизилась к воде, полетели первые ракеты, окрасившие водную рябь в оранжевый, золотой и красный цвета – это было прекрасно.

Бабуля Ту помедлила, поднеся палец к губам.

– Ты решишь, что я выжила из ума, но я не преувеличиваю, воздух вокруг меня загустел, словно ожил. Из-за деревьев я слышала звук похожий на колокольный звон, а потом краем глаза заметила вспышку света. Я повернулась туда и увидела Тина, свернувшись калачиком, он спал возле моей лодки. Он в одиночку приволок к реке лодку, и только прибрежные камешки помешали спустить ее на воду.

Нижняя губа бабули Ту задрожала.

– Он всего лишь хотел во всем следовать за старшей сестрой. Всего лишь хотел, чтобы я его признала. Он бы ни за что не справился с управлением в такой тьме... как пить дать он бы тогда утонул.

Она отрывисто вдохнула, пристально посмотрев на Луну.

– А что случилось потом, бабуля Ту?

– Я разревелась как тряпка, вот что. Я подняла малыша Тина на руки и крепко прижала к себе. Колокольчики зазвенели снова, и над нами рванула новая партия огней. Я вернулась к камышам, именно там вспышка света указала мне на Тина, и я нашла тот оберег. Он висел на тонюсенькой цепочке, словно на паутинке. Не знаю зачем, но я его подняла. К утру река разлилась до дверей. Луг затопило, и очень скоро вместо земли появилось уже знакомое тебе болото. Сначала вода все еще была чистая и прозрачная, сверху виднелись зеленые верхушки трав и кустарников, которых ранее течение всегда обходило стороной. Теперь же они таили тьму у своих корней. Годы шли, трясина густела и темнела. Мы разучились плавать. Никому и в голову не приходило нырнуть в болото. Вода протухла. Несколько семей сорвались с места и отправились в поисках нового жилья вверх по течению, но все они вернулись. Будто что-то... или кто-то нас всех здесь удерживает.

Бабуля Ту отвернулась от перил и через окно посмотрела на Уиллоу.

– Зови это заразой. Или проклятием. Скажи, что в глубине затаился злой дух. Говори, что хочешь. Но все изменилось с того дня.

Она прикрыла глаза усталой рукой, а ее разум отправился в переулки памяти.

– Когда все наши попытки прорваться через плотину потерпели неудачу, мы подняли наши дома на сваи и научились управлять плоскодонками, пригодными для болота. Я

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

прикрепила на нос моей лодки тот оберег, чтобы каждый день помнить о хрупкости и ценности человеческой жизни.

Луна покосилась на оберег, который висел, поблескивая, на своем привычном месте.

– Я знаю, ты лишь хотела помочь сестре, – ласково произнесла бабуля Ту. – Это очень похвально, но впредь я не желаю, чтобы ты даже обдумывала что-нибудь столь опасное. Даже если мы никак не поможем Уиллоу, жизнь слишком важна, чтобы так глупо ей рисковать.

Утопия

Тук-тук.

Тук-тук.

Тишина.

Скорбь.

Мрак.

Ута скользила по перевернутому черепашьему панцирю, мягкая окатанная оболочка напоминала прикосновение животика улитки. В глубоководной пещере было достаточно темно, чтобы забыть о солнце, и достаточно пусто, чтобы спрятаться от веселья резвых водяных змей и праздных водоплавающих птиц. С мокрого камня на потолке сочились на нижние камни влажные капли.

Она осталась одна. Ей было мучительно ужасающе одиноко.

Тук-тук.

Тук-тук.

Луна

Не мигая, Луна пялилась в потолок. Завтра наступит перигей – день, когда луна подходит ближе всего к земле. Через два дня истекут отпущенные Уиллоу три недели. Через два – болезнь окончательно поглотит сестренку. От бессонных часов веки Луны потяжелели, а пульс стучал как барабан.

Зови это заразой. Или проклятием.

А вдруг это одно и то же, только разные люди используют разные слова, чтобы описать то, что они никак не могут понять. Бабуля Ту, с ее историями о феях и лунными картами, считала это проклятием. Мама, с ее молитвами и раскаянием, воспринимала случившееся наказанием. А дядя Тин?

Нет в мире абсолютного добра и абсолютного зла.

Он рассказывал о болоте, но, возможно, дело не только в нем. Если поначалу там росла трава и водилась живность, значит оно не всегда внушало страх. Что изменилось? Отчего появилась гниль?

Внезапная, рискованная мысль пронеслась в голове: а что, если за водой нужно ухаживать, так же как и за садом? Дядя Тин говорил про волшебство в его травах. Что если это проявление целительной магии?

Неужели так сложно во что-то поверить?

Луну не заботили названия, которые давали необычному явлению люди – она поверит во что угодно, как это ни назови, лишь бы Уиллоу выздоровела. Спрыгнув с кровати, она на цыпочках вышла из дома, тихонько закрыв за собой дверь. Двигаясь тише воды по мостикам, она пробралась вверх по холму в огород. Ночь жила своей жизнью: из джунглей доносились рев и топот животных. Серебряный яркий круг луны только что появился над холмом, словно ожидал девочку и следил за каждым шагом.

Луна проскользнула через дверь садового сарая. Споткнувшись о грабли, она задела черенки и лопаты, лязганье огласило всю округу. Луна застыла на месте, ожидая, что из деревни вот-вот послышатся крики и замаячат огни фонарей.

Но снаружи раздавались лишь неугомонные звуки джунглей, а единственным источником света висела луна. Девочка подхватила травник и облокотилась о подоконник, подставляя тяжелую книгу под лунный свет. Луна бегло просмотрела наброски переплетенного на решетке винограда, руководство по посевам и список трав с их целебными свойствами. Она пролистала до последних листов, где надписи были самыми древними, а почерк отличался витиеватостью.

На каждой странице были заголовок, пара зарисовок, список ингредиентов, как в рецептах, и несколько слов, которые надо произнести пока используешь сухие травы, эликсиры или дым. Луна взглянула на текст первой страницы.

Эликсир для орошения границ
обработанного земельного участка, чтобы препятствовать
размножению и укоренению сорной лозы.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Не то. Хрупкие странички захрустели при перелистывании.

Заклинание для улучшения состояния
корней, стволов и ветвей больного дерева.

Не то.

Капелька цветочной эссенции для
очистки протухшей воды.

По коже Луны пробежали мурашки.

Она положила травник на рабочий стол дяди Тина и в косых лучах лунного света водила пальцем по строчкам. В списке значился только один ингредиент: сок перетертых лепестков такки – черной лилии.

Луна покинула сарай до того, как тревожные звоночки успели достучаться до ее разума. Единственные черные лилии, о которых она знала, росли в чаще джунглей, куда она ни разу не ходила одна. И никто еще не ходил туда ночью.

Иди домой спать. Черную лилию поищешь завтра при свете дня.

Нет. Если она осуществит свой замысел, то сейчас, пока болезнь не забрала у них с Уиллоу еще один день. Заперев за собой калитку, девочка отправилась дорогой прямо в чащу. Через пять шагов небесный свод поглотил луну.

Деревья качались на ночном ветру, тропинку впереди освещал лишь слабый прерывистый свет. Луна пробиралась в джунгли, глядя во все глаза, как сова, в поисках малейшего источника освещения. Над ней нависали тени то ли древесных загадочных существ, то ли обычных наростов на коре. Шуршание позади могло быть и змеей, ползущей в траве, и клыкастым хищником, идущим за ней по следу. Сердце Луны билось о ребра, она не выдержала и побежала.

Ветки били по щекам, колючки и шипы царапали ноги и руки, пока она неслась по подлеску. На полянке, куда пробивался слабый лунный свет, Луна остановилась. Руки тряслись, зубы стучали, хотя ночь стояла жаркая и влажная.

Вокруг полянки рядами росли черные лилии, их длинные усики свисали на подпирающий снизу папоротник и слабо мерцали. Луна подвернула юбку, соорудив подобие передника, и потянулась к лепесткам, которые тянулись к небу, словно в предвкушении полета. Она оборвала их один за другим, пока не остались лишь голые стебли.

Девочка прижала ворох цветов к животу и помчалась по мягкой тропе сквозь джунгли. Древовидная лиана словно намеренно шлепнула по голени, Луна упала, содрала кожу с коленок и локтей и приземлилась подбородком в грязь. Лепестки разлетелись и, дрожа, спускались на землю, похожие на крылышки, которыми они всегда хотели быть.

То ли боязнь клыкастых и когтистых тварей, то ли страх за Уиллоу вырвали рыдания из легких девочки и пролили горькие слезы на лепестки, пока она их собирала и заново укладывала в юбку.

подавляя панику, остаток пути она вела себя осмотрительно, переступая через корни и обходя свисающие с деревьев лианы. На обратной дороге джунгли будто затихли и позволили девочке пройти под пристальным надзором сотен глаз.

Вернувшись в сарай, Луна еще долго стояла, прислонившись к закрытой двери. Она достала с полки закупоренный пузырек и вытерла ступку и пестик от въевшейся сажи. Один за другим она растирала лепестки черной лилии и переливала эссенцию в пузырек, пока не

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

набралось несколько капель. Как следует закупорив бутылочку, девочка провела пальцем по нужным словам в травнике и бормотала их, пока они прочно не засели у нее в памяти.

Ночное светило проложило тропинку на выход из огорода, вниз по холму и на мост, оттуда к паутине мостиков над болотом. Сжимая в кулаке пузырек, Луна сначала направилась к молельне. Склонившись над перильцами, она выдернула пробку и капнула содержимое на трясину под ней.

– Люминус салвео люцис, – прошептала девочка.

Она не знала, считалось ли это заклинанием. Но это было мольбой. Надеждой. Оглашением самого сокровенного желания с просьбой, чтобы его услышали. В рецепте не говорилось про смешивание с песком из джунглей. Не упоминались и слезы, подсолившие цветочную эссенцию. Возможно, эти случайные добавки помешают волшебству, которое могло случиться.

А может и нет. Не исключено, что слезы сестринского страдания как раз и есть необходимый элемент для магии.

Луна затрусила к зданию сельской школы, потом к хижине дяди Тина, потом к Бенни и наконец подошла к парадной двери собственного дома. Она нашептывала непонятные слова каждый раз, когда капельки капали в воду, при этом волосы на шее девочки вставали дыбом и по спине перекатывалась дрожь.

На цыпочках Луна вошла внутрь, перевернула пузырек и вылила на лоб Уиллоу последнюю капельку, которая затем растеклась по волосам.

– Люминус салвео люцис.

Луна

Луна проснулась из-за криков. Тревога минувшей ночи склеила отяжелевшие веки. Если она их не разлепит, так и останется в полудреме, где магия струится в слезах отчаяния и желаний под лунным светом. Лучики утра скользнули в приоткрытые глаза, и тут же нахлынули воспоминания о ночных приключениях – травник, черная лилия, порезы и царапины на коже.

Луна задрожала, мысли понеслись как взмывающие спиралью вверх птицы. Девочка медленно осмотрелась. На скомканных простынях, с липким от пота лбом и запавшими бледными щеками, лежала Уиллоу. Она дергала ногой, словно пыталась повернуться на бок, но сил уже не хватало. Луна протянула руку под исхудавшие плечики сестры и как можно аккуратнее ее повернула.

– Уиллоу, – прошептала Луна.

Веки Уиллоу слегка приоткрылись.

Луна поднесла к губам сестры чашку с остывшим чаем и встретилась с ней взглядом. Сглотнув, она отвернулась.

– Попробуй, – голос Луны дрогнул. – Ты должна бороться. Я все перепробовала и больше уже ничем не могу помочь. Теперь твоя очередь, Уиллоу.

Глаза больной снова закрылись. Луна со стуком поставила чашку на стол.

– Пожалуйста, – прошептала Луна. Приложив руки к худому тельцу, она почувствовала слабое сердцебиение. Уиллоу хрипло дышала. Луна нетвердой походкой подошла к окну.

Словно нанизанные на нитку бусы, люди выстроились на мостиках и, свесившись над перилами, показывали пальцем и восторженно кричали.

Болото позеленело.

Оно было не черное, заиленное и мутное, а покрытое яркой сочной зеленью. Бенни с отцом шествовали по воде. В кильватере их лодки кружились зеленые растения. Вода внизу была чистой как горный ручей, даже просматривались снующие туда-сюда водные создания.

Ну и что же в этом хорошего? Какой толк в магии, если она не спасет Уиллоу?

Это должно было произойти со мной.

Назойливая мысль усиливалась с каждым вдохом, обволакивая живот, пока эхом не отразилось в стуке сердца.

Это должно было произойти со мной.

С поникшими плечами Луна миновала школу, откуда сквозь натянутые гирлянды из орхидей и жар от томящихся на углях орехов доносилась возбужденная болтовня – подготовка к празднованию Перигея шла полным ходом.

Доски под ней затрещали, когда она свесилась над прозрачным болотом, переполненным новой жизнью. Дорожка тянулась вверх и, прислонившись к склону, девочка схватилась за перильца и потащила к молельне.

В прикрытой сводом из веток шореи молельне, стоящей в стороне от деревни, царил тишина и, как обычно, пустота. Крыша накренилась, как уши провинившейся собаки. Луна со скрипом открыла дверь.

Девочка заморгала, привыкая к полумраку. Без сомнения мама была там, стоя на коленях на голом полу перед алтарем, она перебирала четки между пальцами.

– Мама, – прошептала Луна.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Плечо матери дрогнуло, но она не повернулась. Она продолжила читать молитву. Луне она не ответила.

– Мама, прости меня за случай с плотинной. Я не хотела напугать тебя.

Четки щелкали между маминых пальцев.

– Я знаю, что не хотела. Я просто не могу... – женщина почесала лоб. Она не подняла глаз. Она не протянула руку, чтобы пожать ладонь дочери. – Иди домой, Луна.

Луна сглотнула и заговорила снова, понимая, что голос ее подводит.

– Ты видела болото, мама? Ты видела воду – чистую и прозрачную?

Мать Луны издала звук очень похожий на рыдание.

– Да какая разница? Скоро мы потеряем Уиллоу. Как мы будем жить?

Чётки ударились о пол, и мама со стоном прикинула челом к деревянному полу.

Порой горе ослепляет человека. Порой человек из-за собственных страданий не замечает, как сильно он мучает других. Несомненно, мать не осознавала, что ее слова впивались в тело и душу дочери как зазубренные шипы. Как они ранили и внушали мысли, которых не должно быть у ребенка.

Луна сделала резкий вдох и побежала вниз по проходу, распахнув настежь двери церкви. В этот раз все получится, твердила она себе, набирая скорость, чтобы не передумать. Их семья пропадет без Уиллоу.

Может она и не сумела найти лекарство. Может она не сумела смыть проклятие. Может она не сумела отыскать эту тварь и заставить ее ответить за все зло.

Но вдруг, возможно, оно согласится поменяться. Взять ее вместо Уиллоу.

Луна спустилась вниз по лестничке, оперлась на колено в центре своей лодки и отшествовала от свай, прочь от дома. Она орудовала шестом на мелководье, спускаясь ниже и ниже, подталкивая лодку к илу.

У мамы были три правила:

Не выходить на извилистую реку.

Не спускаться за насыпь.

Не приближаться к заиленной воронке на болоте.

Дрожащими руками Луна вцепилась в шест и направилась напрямик к той самой заиленной пленке-воронке. Вблизи, на расстоянии всего нескольких дюймов от зловещего места, Луна, оттягивая шест, замедлила ход. Пленка тянула днище плоскодонки, будто хотела затащить ее в себя. Луна воткнула шест в дно и прерывисто набрала воздух в легкие.

Воцарилось безмолвие, то сосредоточенное затишье, у которого есть уши.

– Возьми меня, – прошептала Луна тишине. – Отпусти мою сестру и заведи меня.

Слова упали на воду, коснулись ряби, что расширялась по бокам лодки, и нырнули ко дну. Нырнули в пещеру, где между заплесневелыми камнями висел воздушный пузырь, в мрачную пещеру, где таилось несчастное существо, даже не способное переносить солнечный свет, слушать смех, пение птиц и гул стрекоз.

Существо вытянуло головку и прислушалось. Даже это незначительное движение причинило боль. Однако, звуки все прибывающих с поверхности слов толчками врезались в нее. И вот она направилась к поверхности, терпя острую боль в груди от малейших движений. Она медленно гребла вверх к источнику звуков.

Длительное ожидание в лодчонке повергло Луну в уныние, она наконец лишилась последних сил, которые помогали бороться последние недели. Девочка уронила лоб на руки, сжимающие шест, и бессмысленно глядела на свисающие кончики волос.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Она просила, но ничего не произошло.

Она предлагала обмен, но его отвергли.

Она верила.

Она сделала все, что могла для Уиллоу, но ей так и не стало лучше. Может, вовсе не существует никакой твари. Может, сестра заболела без особой причины. Может, это просто одна из тех жизненных ситуаций, в которой никто и ничто не виновато, и надо пережить случившееся и двигаться дальше.

Луна вытащила шест из ила. Если она поторопится, то дома даже не заметят ее отсутствия. Она проскользнет под одеяло к Уиллоу и крепко ее обнимет. А потом они проведут вместе последний Перигей.

Едва она начала разворачивать плоскодонку, как из болота показалась тоненькая ручонка и потянула за нос лодки. Луна с ужасом взирала на бурлящие потоки, заливающие дно и на берег, сверкнувший последний раз.

Луна пятилась, пока не уперлась в корму; лодка погружалась под воду. Сначала лодыжки, потом колени, бедра, потом ребра, плечи... девочка сделала последний глубокий вдох, и болото сомкнулось над головой.

Утопия

А Ута все тащила и тащила ко дну, через болото, через спутанные сети скользкой тины. Она тащила за собой лодку, в двадцать раз превышающую ее саму, с человеком на борту, тащила в свою берлогу. Она притянула лодку в воздушный карман на каменистый островок.

Девочка держалась за бортики лодки, часто кашляла и сплевывала, застрявшие в волосах водоросли с брызгами падали к ногам.

Ута нырнула к трону подводного царства, сооруженному из пустых черепашьих раковин, и поправила корону на голове.

Ута устала. Очень устала. Боль сотрясала ее крохотное тельце до самых костей. Что-то, связанное с этим человеком, волновало, что-то давно забытое и горькое мучило ее.

– Зачем ты меня вызвала? – спросила она. Слова звучали как царапающие друг друга камни. – Неужели так сложно оставить меня в покое?

Девочка облизала губы и сплюнула комок грязи.

– Дело в моей сестре, – прохрипел человек, – Она больна. Умирает из-за твоего проклятия. Пожалуйста, сними его... прошу тебя.

Человека затрясло, тонкие локти забились о выступающие ребра.

– Забери меня, – девочка пригляделась к влажной темноте вокруг. – Ты можешь держать меня тут вечно, пусть только Уиллоу станет лучше.

– Зачем мне нужен огромный человек, который шатается по моему убежищу и всасывает весь мой воздух? Мое проклятье? – пролепетала Ута. – Пффф.

Подбородок человека задрожал и из глаз потекла вода, струйками скользя по щекам и падая на камни. Ута с трудом подняла руку к лицу. Это было уже слишком.

– Уходи, – произнесла она. – Уходи вместе со своими слезами. Уходи и оставь меня наедине с моим горем.

Человек рухнул на острые камни и зарыдал в полный голос, на ногах зияли свежие царапины. Но даже на коленях человек возвышался над маленьким духом.

– Прошу тебя, умоляю, сними проклятие, пожалуйста.

– Мое проклятие, – повторила Ута, причмокивая языком, будто это слово можно было раздавить как жука. Она соскользнула с трона и приблизилась к человеку. – Для проклятья требуется сильное чувство, неважно любовь это или ненависть. А что есть у меня? Ничего. У меня ничего не осталось. Я пуста.

Девочка взглядела в подступающую к островку кромку воды и на крабиков, мечущихся в тенях. Она посмотрела на протекающий потолок пещеры и на жалкое создание перед ней. Она встала и подошла к лодке, лишь наполовину поместившаяся в воздушный карман. Но вместо того, чтобы уплыть, сделать глубокий вдох и устремиться на поверхность, она заговорила вновь.

– Что я могу предложить, если тебе не нужна я? – Ее голос дрожал от пролитых слез. – Хочешь нашу хижину? Забирай. Хочешь сад? Бери его. Вот, бери мою лодку. Забирай. Бери, что хочешь, только отдай мне сестру!

Ута перепрыгнула через каменистое дно и пнула деревянное корыто:

– Да зачем мне твоя дурацкая..

Лодка слегка накренилась, достаточно для того, чтобы оберег блеснул под темным сводом пещеры.

Глаза Уты широко распахнулись, и она подкралась к лодке, забралась внутрь и скользнула к узкому носу. Протянула руку. Дрожащей рукой отцепила оберег. Подушечками пальцев пробежала по мерцающему сплаву будто она делала это тысячу раз. С губ сорвался вздох, наполненный многолетней тоской и болью.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

И пусть внутри все переворачивалось от непривычного ощущения надежды, но глаза подозрительно сощурились.

– Как ты... Где ты это нашла?

– Это просто симпатичная безделушка, оберег. Бабушка нашла его в детстве. Он нужен тебе? Забирай. Давай.

Девочка склонилась к Уте, умоляюще сложив руки.

– Пожалуйста, забирай, только отпусти мою сестру.

С каждым вдохом Ута чувствовала, как с ее тела спадает тяжесть проведенных в унынии лет. Она посмотрела на человеческую девочку, в удивленных глазах которой читался немой вопрос.

Ута щелчком открыла замок. По щекам потекли черные слезы, черные как одинокое истощенное сердце, черные как агония, как проклятие. Они текли черным ручьем, пока не стали серыми, а затем не очистились до прозрачных соленых капель. Она восторженно наблюдала, как в медальоне загорался огонек и появилась едва уловимая дымка белого облачка.

– Кея, – только и промолвила Ута робким голосом.

В облаке появилась чья-то мордашка, белый дым окутал и Уту, словно втягивая ее в себя. Она оглянулась, чтобы последний раз взглянуть на человеческую девочку, которая не отрывала взгляда от медальона, на лице ее читалось выражение какого-то чувства, и это чувство, впервые за долгое время, разделяла и Ута.

Под сводом пещеры раздался звук двух бьющихся в унисон сердец.

Тук тук.

(Тук тук).

Тук тук.

(Тук тук).

Луна

С грохотом, сотрясающим все кости в теле Луны, медальон затянул в себя существо. Звуковая волна отбросила Луну прочь из сухого лона пещеры в воду. Грохот такой силы мог бы перевернуть дно и снести речные укрепления.

Через густые заросли тины и ила Луна выбралась на поверхность. Отплевываясь и кашляя, она жадно хватала воздух. Течение подхватывало ее ноги, стремясь унести в сторону уже накренившейся плотины. Бревна, сучья и целые деревья неслись мимо, и, наконец, с сотрясающим землю треском насыпь прорвалась.

Луна отчаянно гребла руками в надежде ухватиться за что-нибудь. Но течение было слишком сильным. Сдерживаемый десятилетиями гнев реки обрушился на все, куда только можно было добраться. В последней отчаянной попытке Луна устремилась к дереву альстони. С огромным трудом удалось ей вцепиться в мощные корни. Потоки воды болтали ее ноги, затягивая в водоворот. Но девочка боролась, на этот раз не ради Уиллоу, не ради мамы или бабули Ту, или Бенни, или кого-либо еще. Она боролась ради себя.

Она нарушила все мамины правила. Даже если она не спасла этим Уиллоу, она сделала все, что могла. У нее осталась бабуля Ту, которая любила ее несмотря ни на что. У нее есть Бенни, о лучшем друге, чем он, даже нельзя и мечтать. Однажды мама справится с горем. И они научатся снова быть семьей.

Я сделала все, что могла.

От этой мысли появились силы. Она прижалась к корням, оббив дерево руками и ногами, сжимая тем крепче, чем свирепей проносились волны, смывая сожаления и остатки вины.

Сантиметр за сантиметром опускалась вода, обнажая участки, где когда-то росли дикие цветы, а сейчас бурлила грязная жижа, наслаждаясь свежим воздухом. Сваи под домами ходили ходуном, и люди вцепились в перила, наблюдая за стремниной. Река стряхивала с себя болотистую муть и заполняла высохшее русло, вода, наконец, стала свободной.

Луна

Луна отпустила альстонию, только когда река спокойно потекла меж деревьев. Она не знала из-за чего дрожит сильнее, из-за холодного мокрого платья или из-за того, что произошло. Существо исчезло. Болото тоже. Не слишком ли наивно надеяться, что с ними исчезла и болезнь?

За время, которое требуется солнцу достичь своего пика, река избавилась от ила и грязи и бежала такой же чистой и прозрачной как вода с верховьев. Лодка пропала. Может бабуля Ту покажет ей как сделать новую, узкую с высокими бортами вместо плоской и широкой, и с веслами вместо шеста.

Луна взглянула на простирающуюся до горизонта булькающую муть. Девочка скользнула вниз и попыталась на ней устоять. Нога тут же увязла в грязи. Попытка освободиться ни к чему не привела. Она застряла.

Из-под воды выпрыгнула здоровенная рыба, схватила муху и радостно плюхнулась обратно. Огромная полная луна уже сияла молочным бассейном на бледно-голубом небе.

– Луна?

Голос прозвучал далеким и очень, очень высоким.

– Бенни! Бенни, сюда!

Бенни плелся меж деревьев альстонии, его конечности были неестественно вывернуты наружу. Сначала он сдвигал руку, потом ногу, потом другую руку и другую ногу. Его ступни были привязаны к сеткам из прутьев, чтобы распределить вес и удержаться на поверхности. В руках он держал две палки с маленькими сеточками на концах. При каждом движении, сетка хлюпала по грязи со звуком прыгающего у берега крабика.

– Бенни! – закричала Луна. – Как же я рада тебя видеть!

Бенни прихлюпал поближе.

– Что я тебе говорил? Героиня Перигея. Это должно было случиться!

Луна засмеялась и продвинулась поближе к Бенни.

– Ты уверен, что эта штука выдержит нас обоих? Я не хочу утопить нас.

– Думаешь, ты первая кого я спасаю сегодня? Запрыгивай.

Луна залезла на спину друга и, действительно, решетки вошли лишь немного глубже в грязь. Ворча себе что-то под нос, Бенни сделал несколько осторожных шагов, развернулся и двинул в сторону деревни.

– Бенни, ты видел Уиллоу? Ей лучше?

– Не знаю. Я еще не ходил к твоим, слишком многим нужна помощь. – он легонько потряс головой, чтобы не потерять равновесие. – Неплохой Перигей в этот раз, да?

Она похлопала его по плечу.

– Уверена, что фейерверк сегодня в силе, не волнуйся.

– Луна, – осторожно проговорил Бенни, – что ты там делала?

Луна вздохнула. Вряд ли можно описать словами то, что с ней произошло. Всю жизнь она слышала истории об ужасной твари, что прячется на дне, но сейчас она видела перед собой выражение личика маленького создания, которое перед исчезновением светилось надеждой и любовью.

– Я встретила существо, но оно не... она не такая как ты думаешь. Я видела болезнь... проклятие... называй как хочешь, как оно вытекло из нее черными слезами. Она... я даже не знаю. Это долгая история, Бенни. Очень, очень долгая.

– Жду от тебя мельчайших подробностей.

– Да, Бенни. Конечно.

Мелани Краудер - Под полной луной / Melanie Crowder - A Nearer Moon

Луна уткнулась подбородком в плечо Бенни, прижалась к нему покрепче до самой деревни. Хижины выглядели чужеродно, словно водоплавающие птицы решили проветрить свои ноги. Все изменилось. Ей придется заново привыкать к месту, в котором она прожила всю жизнь.

– Бенни, маленький отважный капитан! – позвала бабуля Ту, махнув рукой над головой. – Неси сюда эту девчонку, я задушю ее в своих объятьях.

Луна засмеялась, но звук застрял у нее в горле. Мама выбежала из дома и схватившись за перила, следила как приближалась ее дочь.

Бабуля Ту подтолкнула маму локтем.

– Ты это сделала? – спросила мама, глаза ее светились энергией. – Ты осушила болото и избавилась от твари?

– Вроде того, – смягчилась Луна и даже слегка ухмыльнулась. – Я пошла на это ради Уиллоу. Как... она...

Мама упала на колени и потянулась к Луне. Из-за сошедшей воды Луне пришлось встать Бенни на плечи, чтобы дотянуться до лестницы. Мама помогла ей забраться и крепко прижала к себе. Бабуля Ту обняла их обоих. Луна не видела их лиц, но она чувствовала, что с их плеч упала огромная тяжесть.

Через некоторое время мама отпрянула и сжала лицо дочери в ладонях.

– Луна, – промолвила она, – я не могу поверить тому, какой храброй ты стала. Я не могу поверить, что позволила себе ослепнуть от горя и не видеть этого, не видеть тебя...

Пара пеликанов прыгнули с насеста и монотонно хлопая крыльями направились к новорожденной реке.

Легонько подтолкнув Луну между лопаток, мама произнесла:

– Давай, заходи.

Луна вошла в хижину, направились сразу к ширме, ее сердце росло с каждой секундой, пока в груди не осталось места для воздуха, слов, страха и беспокойств. Уиллоу сидела на кровати с вытянутыми руками, на щеках розовел слабый румянец, а на губах играла широкая улыбка. Простыни возле нее были покрыты черными пятнами, проклятие покинуло ее тело вместе с лихорадкой.

Как запертая река внезапно вырвалась на свободу, так и Луна бросилась к сестре, чтобы заключить ее в свои объятия.

– Счастливого Перигея, Луна! – просияла Уиллоу. – Разве сегодня не самый лучший день на свете?

ЭПИЛОГ

Течет река.

Маленькой струйкой берет она начало в сердце джунглей, в непроходимом, таинственном сердце джунглей. Она вздымается и извивается, вбирая в себя дыхание тысячи ручейков.

Река звенит, кружит и течет, и худенькая девочка в маленькой лодке медленно описывает круги по воде. Ее сестра, взгромоздившись на нос, руководит суденышком. Обе девочки держат плоские, как хвост дельфина, весла, и лодка плавно скользит возле водоворота, где когда-то процветало болото. Веселый смех звенит меж корней деревьев, вновь открытых свежему воздуху. Они скинули с себя хлопья грязи, просохли под полуденным солнцем и горделиво зависли над пробегающим свежим течением.

В соседнем мире, отделенным от нашего дымкой парящих облаков, другие две сестры оседлали волны другой реки, но такой же гладкой и журчащей. Рука в руке, пальцы переплетены, будто они не готовы расстаться даже на один вздох. Они прыгают на водной ряби, а рыбки подталкивают их на поверхность воздушной подушкой из пузырьков. И тысячи капель разбрызгиваются вокруг и целуют крошечные личики.

Встает солнце, тают вечера, а река все течет и течет.